

АЛЕКСАНДР ДОРОШЕНКО

МОЙ ГОРОД

ПОЭМА

Одесса

Эртімум

2003

ББК 84 (4 укр = рус) 6 - 5 Од.
Д 69

Д 69 **Александр Викторович Дорошенко.**
Мой город. Поэма.
Одесса: Оптимум, - 2003. - 208 с., ил.

ISBN 966 - 7776 -95 - 6

Эта книга - Поэма о городе, который любим нами нежно и страстно.

Это гимн Кумиру, стоящему на берегу Черного моря, который останется на годы, века, эпохи, ибо Город и Горожане – бессмертны.

© А.В. Дорошенко, 2003

© Оптимум, 2003

© Е.Н. Дашкевич, оригинал-макет, 2003

ISBN 966 - 7776 - 95 - 6

Малая
литературно-художественная
серия

Серия основана в январе 2000 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От издательства</i>	5
МОЙ ГОРОД.....	7
БУЛЬВАР.....	12
Пушкин.....	15
Воронцовский дворец.....	19
Лестница.....	29
Думская площадь.....	33
ДЕРИБАСОВСКАЯ.....	46
Гаванная.....	59
Ланжероновская.....	66
Надеждинская.....	71
Сабанеев мост.....	79
Пассаж.....	83
Дом Либмана.....	88
УЛИЦЫ И ПЛОЩАДИ.....	96
ОПЕРА.....	132
БАЗАРЫ.....	146
Старый базар.....	171
Новый рынок.....	174
Привоз.....	178
Староконный рынок.....	194
ЭРИНИИ.....	201

*«Лучшая жемчужина
в русской короне»*

Герцог Эммануил Ришелье

*«Да не будет дано
умереть мне вдали от тебя ... »*

Иосиф Бродский.
«Стансы городу»

МОЙ ГОРОД

Воздух моего Города приходит издалека, рождаясь в средиземноморском просторе, он впитывает тепло островов Эгейского моря и долго летит, лавируя между ними и спотыкаясь об их изгибы, над зеленью долин и ослепляющей белизной домов, над Мраморным морем и Босфором, напившись солеными брызгами косых черноморских волн, он захватчиком врывается в город из-под протянутой к морю руки герцога Эммануила де Ришелье. Он приносит запахи Эллады, пыль древних разрушенных колонн и храмов Ольвии и Херсонеса, звон золотых монет на рынках Пантикапея и Феодосии, гул ристалищ на сорокатысячном ипподроме Константинополя, обрывки фраз венецианских и генуэзских купцов, тяжесть неторопливого говора викингов Олега и Святослава, свист татарской стрелы и ответный смех запорожцев.

Душа моего Города: Ветер дальних морей,

разбившийся о крутые берега. – Задохнувшийся ветром парус. – Корабль, огибающий маяк, ложится на дальний курс. – Ревущая злоба волн и мрачное спокойствие скал. – Черное многоцветное море к югу и Великая рыжая Степь к северу (на правую руку лежал Алтай, по левую – Европа и варварский мир). – Греческие паруса в заливе и скифская конница на высотах (корабли, побывавшие на всех берегах мира и кони достигавшие этих берегов по пространствам земли, ибо после Великой Степи все было рядом). – Одноцветная одежда греков и роскошные ткани кочевников (многоцветный юг рождал умеренность в цвете, монотонная степь – ненасытную жажду и буйство красок). Всем и всегда торгующие греки, строившие наши древние города, и скифы, их уничтожавшие. Греческие монеты и договора, скифские кони и ветер свободы в гривах. Все смешалось и сплавилось в этом единственном месте, напитало нашу кровь и окрасило кожу и речь. И, если древняя наша столица Вавилон называлась «Пупом земли», то Город мой – ее Сердце.

Как оно болит сейчас, осиротевшее и покинутое своими детьми!

Сердце моего Города: Хитрый греческий прищур и расчетливый взгляд еврейского банкира, – недоверчивая улыбка украинца и надменный жест французского вельможи, – спокойная уверенность военачальника и независимость губернаторов, – алчность прибыли и бескорыстная щедрость строителей. Убивающий расчет и дружеская рука, – копеечный обман и незыблемое слово купца. Негоцианты мирового масштаба, державшие в жестких руках мировые биржи, – капитаны, корабли которых бороздили все моря, а моряки напились во всех портах, – ремесленники с золотыми руками и ювелиры, вводившие в заблуждение экспертов Лувра. Христиане, иудеи и мусульмане, храмы которых стояли рядом на больших и малых улицах Города. Многоязычный говор улиц и площадей. Базары, красочными восточными коврами лежащие на городских площадях. Все, за что брались – выходило лучшим из наилучшего в мире: промышленность и торговля, – мореплавание и строительство, – музыка, живопись и литература.

И любовь!

Солнце моего Города рождается в моем Море и в его вечерних водах оно укладывается спать, упругий ритм черноморских волн баюкает его. По солнечной дорожке мы уплывали утром в Море, навстречу поднимающемуся из его глубин солнцу, лучи его ласкали наши лица, а тело холодила свежесть воды и соленые брызги были на наших глазах и губах. Лунной ночной дорожкой мы уплывали с юными подругами навстречу судьбе и тайна ночного мрака принимала нас, растворяя в темной материи моря и воздуха, слившихся без границы. Утром солнечная колесница ослепительно и неторопливо накатывала на Город, двигаясь с юго-востока, согревая его, продрогшего в ночи. Солнце приходило с моря, неторопливо вползало на влажный песок пляжей, тяжело карабкалось на крутые одесские берега, цепляясь за кусты акаций и облепихи, и потом стремительно вступало в Город, в его прибрежные и дальние улицы и перекрестки, ложилось неровными пятнами на бульжник мостовых, ласкало преступные плечи кариатид, солнечные лучи шутливо облизывали улыбающиеся чему-то морды бесчисленных сторожевых львов.

Оно согревало Город и своих детей на его
утренних улицах, утешало и отводило ночные
страхи.

Памятник герцогу де Ришелье

БУЛЬВАР

Бульвар наш первоначально назывался Новым, затем Приморским, после русско-турецкой войны 1877-1878 годов – Николаевским, в честь главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, с 1920 года он стал носить имя погибшего анархиста Фельдмана, после войны вновь стал Приморским и так остался, теперь уже навсегда*.

Роскошен и обольстителен Приморский Бульвар. Он начинается камерной Думской площадью от двенадцатиколонного здания Думы и фонтанного памятника Александру Сергеевичу и простирается до самых колонн воронцовского дворца. Бульвар хорош всегда. Ранним летним утром он тих и спокоен, прохладой нависают над ним кроны деревьев, солнечные мазки лежат на земле и плитках тротуаров, и так легко и празднично ступает по ним нога. Шум Города здесь замолкает и

*Здесь и далее названия улиц и площадей приведены в основном по работе: Я. Майстровой. Улицы Одессы. Справочник по топонимии старой части города. Одесса, 1998.

слышно, как далеко внизу неустанно трудится Порт. Однажды, еще подростком, в глухой осенний дождь, подойдя к Дюку, я впервые в жизни увидел всю жизнь многократно виданный мною Порт и море, и графитовый абрис кораблей на свинцовой воде залива, и морскую рябь на воде, и услышал звук маяка и кричавших в тумане буёв, и задохнулся от счастья. Дворцовой гвардией выстроились дворцы Бульвара и ряд их прерван полукругом сдвоенных зданий за плечами Герцога. Здания Бульвара разновременны и старые легко узнаются по благородной простоте декора и стройности, у них гладкие стены, громадные плоские окна и только где-то в вышине висит на кованых лентах подпорок очаровательной легкости балкон и вьется меандровый узор по краю его чугунной решетки. Модерн этой простоты не нарушил, умерив богатство свойственной ему лепнины, скромно и достойно став в этот почетный ряд, и только эклектика купеческой вульгарностью потревожила в нескольких местах цельность Бульвара.

Лестница Приморского бульвара называлась в разные времена Гигантской, Булеварной, а в советское время – Потемкинской. Она

теперешнее свое имя носит в честь мятежного броненосца, стрелявшего однажды по Городу, пугая, но стрелявшему именно целясь в наш оперный театр, и не попавшему, к счастью, как, впрочем, и все в этом мятеже оказалось никуда не попавшим. Ее название горожане связывают напрямую с именем князя Потемкина, замыслившего основание Города. Лестница эта, широкой и спокойной рекой ниспадающая от подножия Герцога, странным образом, в ощущении, ведет только вниз, к морю, к заливу, к дальним и загадочно манящим странам. И над ней, хорошо видный с моря и встречающий приходящие в Город корабли, стоит неизменный, «широколобый и печальный Дюк». Где бы ты ни был, в радости и не очень, в любых дальних городах и пространствах, хорошо знать, что он все также стоит здесь и протягивает навстречу тебе свою руку.

Задумана лестница была еще в 20-х годах, но только в 1835 был утвержден проект Ф.К. Боффо. Строилась она с 1837 по 1841 год вместе с подпорными стенами и контрфорсами для укрепления кромки Бульвара. В память Крымской компании и бомбардировки Города по

обеим сторонам лестницы думали установить поднятые с английского фрегата «Тигр» пушки, но ограничились только одной и поставили ее на Думской площади, на тяжелом пьедестале из искусственного гранита. Смотрит она в залив, откуда фрегат первым из англо-французской эскадры начал бомбардировку Города 10 апреля 1854 года.

ПУШКИН

На Приморском бульваре по правую руку от Дюка, в самом его конце, перед Думской площадью, стоит памятник Александру Пушкину. Третий в истории, второй после знаменитого московского на Тверской, он странно повернут спиной к зданию Думы, а лицом обращен к гражданам Города, поставившим этот памятник, к аллеям бульвара, и окружен четырьмя чугунными чашами фонтанов. Крупные рыбы с задранными хвостами привольно улеглись на скошенных гранях постамента и насмешливо пускают струйки воды в чугунные фонтанные чаши. Трудно сказать почему, но в этом именно памятнике, в лице Александра Сергеевича ощутима африканская

кровь. Может быть, тут сказался наш знойный юг. Он многое, если не самое главное, сделал у нас на юге с самим собой, благословенным для него было это «суровое» изгнание – с сурового серого севера в многоцветный с синевой неба и звонкодрожащим под ветрами воздухом, наш, ему полюбившийся Город. Здесь все было иным – вид строений, лица людей, их легкая походка и легкий склад серьезной деловой жизни.

Греки, армяне и евреи, французы и итальянцы, русские и украинцы – и в самом этом многоречии на улицах Города уже было противостояние чиновничьему миру севера. Всё здесь было легким, сборы в путь необременительны, каков бы он ни был, а всё дальние страны окружали Город, и прямо здесь они и начинались, у подножья будущей Потемкинской лестницы – всякие Турции и Леванты и прочие сказочные Китаи. Крым лежал в подножии Города и пригородом его ощущался. А северные столицы лежали в окружении великого безмолвия пустынь и населений, и непроходимыми были от них дороги в мир. И Пушкин поэтому у нас иной – он здесь изменился, ему эта земля стала любимой и навсегда так

осталась. Он нам стал основатель, как и Герцог. Ах, не надо бы ему возвращаться на север, в опасные эти столицы.

Основное в этом памятнике постамент. Пушкину, чтобы быть узнаваемым внешне, многого не нужно – курчавость, бакенбарды, семитский профиль – остальное живет в нас. Это лучший из лучших образец соразмерности бюста и основания, когда сохраняется пространственная монументальность. Памятник поставлен на основательный фундамент и стоит крепко, в ремонте несколько не нуждается. Это замечательно! Если бы мэрия что-то здесь поправила – то, ниже достойных нас слов – «А.С. Пушкину. Граждане Одессы», она бы врезала в старый гранит свое имя и дату, и имя мэра, который, отреставрировав Пушкина, нам бы его как-будто даровал.

Теперь Бульвар и Думская площадь украшены рядом фонарных чугунных столбов, отлитых «под старину». Ничего столбы, но стоят они как-то странно. Дело не в выбитых стеклах фонарных, это так должно у нас быть, так легче гореть фонарю.

...В детстве была у меня любимая книжка о Буратино и в ней картинка, как идет эта слад-

кая троица, лиса Алиса и кот Базилио, и в середине Буратино, в страну Дураков закапывать золотые монеты от Карабаса в землю поля Чудес. Был нарисован городской ландшафт, характерный для этой страны, с фонарными столбами и я, мальчишкой, заметил и навсегда, как выяснилось, запомнил, что столбы все эти фонарные стояли криво-косо, – не бывает в стране Дураков вертикально установленных и вообще параллельных друг другу столбов! И сколько живу, на всех горизонтах родных палестин наблюдаю эту привычную картину – перекошенные столбы. Только что поставленные, отлитые в чугуне по старым образцам, застекленные и окруженные тротуарной плиткой, но – неизбежно косые. Как символ родины, как ее насмешливая и лукавая улыбка ...

Увидишь и стгоряча думаешь – Европа, наконец-то, но приглядишься, – нет, все же родина!

ВОРОНЦОВСКИЙ ДВОРЕЦ

По левую руку от Дюка, в противоположном конце бульвара, стоит заброшенным Воронцовский дворец. Проектировал и строил его Ф.К Боффо в 1824-1829 годах. Мудрым был Город и сумел сохранить, пренебрегши мелкими сплетнями, добрую память об этих двоих, Воронцове и Пушкине.

Стоит дворец на самом краю приморского холма, в месте, где когда-то был расположен турецкий Гаджибей, и до него задолго – греческий античный полис. Кубической формы тело дворца грузно и рождает печальное чувство заброшенности. Он врос в землю, печален, как никакое другое здание Города и всегда, сколько помню, это ощущение сохранялось.

К морю обращена открытая терраса, опоясывающая дворец, а со стороны внутренней стоят грузные, тосканского ордера, колонны с портиком и в память турецких компаний его владельца, вделаны в стены дворца изразцы с арабской вязью. В знойный полдень неожиданно гулко звучат шаги по мраморным плитам под этим широким портиком. Там десять тя-

желых колонн и в прохладной глубине портика очарованием театральной декорации устроился двусторонний мостик-лестница парадного входа. Эти лестничные входы прямые, без закруглений и изгибов, что придет вскоре, а здесь сохранена память ордерной системы, дыхание стиля. Так тихо, прохладно, торжественно, – все кажется, удержи здесь шаг, чуть погоди – и распахнутся двери над лестницей, заиграет музыка клавесина, выйдут кавалеры и дамы и спустятся по лестнице этой, кавалеры направо, дамы налево и здесь, сойдясь вновь, продолжат танец. Прогулочная галерея устроена на крыше портика и вертикали чугунных столбиков несут давно не заживавшиеся фонари и много таких, ослепших навсегда, фонарей осталось висеть в прохладной и недосыгаемой высоте портика. Есть еще один, четырехколонный, боковой портик. Между сдвоенными колоннами там стоит, чудом сохранившийся, литой трехголовый фонарь. В двух шагах рядом стоит сегодняшний, поставленный нынешними властями тоже фонарь – из сварной канализационной трубы, окрашенной в национальные цвета. Надо ли добавлять, что все фонари, новые и старые, и

которые еще будут поставлены здесь и везде, – разбиты. Такая странная нелюбовь к свету...

Собирались во дворец гости, на бал, распахнуты широко были въездные ворота, мягко шуршали каретные колеса по гравию подъездной дороги, горели фонари на фоне ночного неба и моря под портиком, по всему периметру дворцовой балюстрады, над его крышей, вдоль оград и в манящей глубине сада. Распахнуты широко были парадные двери, (заколоченные навсегда, задохнувшиеся, их теперь не открыть). Сияли светом громадные дворцовые окна, открытые настежь в прохладный сад, вдоль стен расставлены были шахматными пешками лакеи. Разгоряченные танцами гости выходили на широкий балкон полюбоваться заливом и ночным морем.

Там приветливо покачивались многочисленные мачты торговых кораблей всех флагов, настоящее и будущее Города читалось на глади залива. Звучала речь на всех европейских языках, достойная молодого Города, говорили они о мировой политике и торговле, о любви и стихах (я был там сегодня и на балюстраду эту поднялся – там просто теперь под-

няться, не надо огибать тело дворца, направляясь к ступенькам, решетка ограждения выломана во многих местах – последние десятилетия там не подметали мусор, все пропахло мочой, спали там два бомжа на газетной подстилке, а третий спал устроившись особо, под парадной лестницей портика, по которой когда-то спускались танцевальные пары; где же теперь новый Некрасов, чтобы порыдать у парадного подъезда, и где смешной маленький Чарли, чтобы посмеяться над бездомным человечком, уснувшим на руках городской святыни?

Братьев принимали в молодом Городе – Александра I в 1818 году и Николая I в 1837 в Воронцовском дворце (для Николая был дан роскошный бал в думской зале). Несчастной была судьба этих братьев – в попытке одного строить Россию с европейским благородством и конституциями, и в попытке другого, ожесточенного, строить ее в рамках суровости отечественных законов. Построить страну у нас возможно только с помощью топора, и тогда в благодарной памяти народа останется твое имя навечно, и, если звали тебя Иоанном или Петром, или Иосифом, то кровавого паука-

монстра назовут уважительно Грозным, преобразователя, вывернувшего страну наизнанку и пустившего ее плясать полуевропейским манером – Великим, а «отца народов, друга детей и физкультурников», самого кровавого после Гитлера монстра в истории людей, будут вспоминать с любовью и ностальгией.

Но тех, кто положит к ногам этого народа свой воспаленный усердием разум, чистоту намерений и величие души, справедливо поглотит океан бесконечной объемом и протяженностями косной массы, поглотит, наделив в благодарность издевкой и пренебрежением. Так было всегда, от царя Бориса до царя Павла, и не в царях дело, но так всегда здесь и будет!

На самом обрыве холма стоит, продолжением дворца, выполненная в тосканском ордере легкая дуга колоннады – лучшая обзорная точка Города и самый красивый во всем его силуэте и всегда легко читаемый знак, при подходе к Городу с моря. Там два ряда по десять колонн, поставленных на высокий ступенчатый цоколь, и внутренний ряд сжат пружинящей силой, а внешний растянут и так они закреплены навечно. Число этих колонн и их

расположение противоречат ордерной системе, но колоннада так красива! Она бесполезна, если потерять, или наоборот, так никогда и не обрести, представление о пользе, о том, в чем мы так нуждаемся.

(В нашем Городе колонны есть повсюду, на каждом доме и в каждом квартале, у нас и рынки были видом античного форума – круговую окружены колоннадой. Но самый рас пространенный ордер у нас – тосканский. Это память о загадочном народе этрусков, так переделавших первый греческий – дорический ордер, и, в отличие от остальных греческих ордеров, менявших строгость дорического на изысканность ионического и прихотливость коринфского, тосканский этой древней простоты не нарушил. Он даже стал строже и чуть стройнее, чуть выше, чуть спокойнее ...и загадочнее!).

Когда-то дворец и само поместье Воронцовых были отстранены от Бульвара кованной решеткой и пики ее полукружий вдавались в бульвар и посажены были у входа на высоких пилонах сторожевые каменные львы. Две вмонтированные в решетку тяжелые львиные морды с кольцами в зубах их дополняли в

охране и удивленно глядели в пространство бульвара. Не помогло – решетку сняли, а львов перенесли на задворки, ошельмовав и превратив в декорацию. Сторожевых этих львов сделали развлечением гуляющей публики – у них отбиты хвосты, выломаны челюсти, на них сидя фотографируются туристы и упитанные невесты и все это, – обшарпанные стены дворца, выломанные и пропавшие части решеток, исписанные всякой дрянью колонны, обездоленные львы, – превращает одно из самых красивых мест Города в кладбищенский участок, исполненный невыразимой печали. Но, возможно, это летаргия, сон разума, от которого мы отказались на время, но вышло – надолго!

Открытых же колоннад в профиле Города было две, одна ныне сохранившаяся Воронцовского дворца над обрывом к Практической гавани (прямо напротив неё, перечеркнув вид на залив, в самое последнее время установили гигантского размера опору подвесной эстакады Одесского порта, изуродовав одновременно вид бухты от колоннады и вид Города с моря), и вторая, декоративная, стоявшая ранее на месте здания Публичной

Библиотеки, а теперь Археологического музея (Музей Общества Истории и Древностей), проекта Г.И. Торичелли от 1835 года. Она хорошо видна на старых гравированных видах Города от таможенной площади. Обе колоннады экранировали пространство Приморского бульвара с двух крайних его концов и стояли над крутыми обрывами.

Бульвар нумерован необычно, ведь у него только одна сторона, и поэтому номера идут вперемешку, чет и нечет, подряд. Снаружи дом приукрашен. На нем запоздалый камзол века восемнадцатого, сюртук девятнадцатого, и только русский модерн честно глядит в лицо улицы, опережая сегодняшнюю моду. Чтобы понять дом, надо зайти к нему в гости, по домашнему, во двор, Надо постоять в тишине этого двора, разглядывая его исподтишка, и тогда многое в нем прояснится. ...Во дворе номера 12-го спрятался восемнадцатый век: каре высоченных окон, во всю ширину двора балкон и за ним колонны в два верхних этажа высотой. В тишине слышен твердый гвардейский шаг и четкость приглушенной команды – идет смена караула. Главное не глядеть на

первый этаж, где смогли достать и все изуродовать новые пришельцы.

Идея оформления бульвара на стрелке центрального городского массива, между двумя разрезающими город глубокими балками, принадлежала самому Дюку. Сохранилось предание, что строительством бульвара были возмущены богатые негоцианты Города. Раньше они могли из окон собственных домов наблюдать входящие в гавань и покидающие ее корабли, бульвар же заслонил гавань. Лучшие в империи архитекторы формировали бульвар. Ф.К. Боффо создал проект лестницы Приморского бульвара (странно сегодня знать, что многие современники строительства лестницы, возмущались этим «бессмысленным» проектом, мол, лестница эта никуда вовсе и не ведет – тогда действительно практически у ее нижних ступеней плескалась море, – она непропорционально, чудовищно огромна и искажает перспективу Города ...), и он же проектировал здания на его концах – Воронцовский дворец и старую Биржу, архитектор А.И. Мельников вдохновенно нарисовал два полуарочных дома перед лестничной площа-

дью и, позже, в этой арке-радуге естественным образом и навечно встал на свой постамент бронзовый Дюк, работы Ивана Марто-са.

Слева у Потемкинской лестницы, в середине ее высоты, есть вход в парк. Лежит он на срезе холма, на плоскости, образованной мощными подпорными стенами. Спуститься в него можно и с Воронцовской площадки по неширокой и глубокой лестнице. Это был первый в России городской Детский сад с бесплатными играми и гимнастикой. Он до революции назывался Детским и сюда водили детей на прогулку. Взрослые сюда, кроме матерей и нянь не допускались. На старой открытке этот сад действительно полон детей. Они водят хоро-вод, держась за руки, что-то им показывают и они кого-то обступили кругом. В мое время там пахло развратом. Так было принято счита-ть в порядочных одесских домах, так счита-ли одесские матроны, опираясь в этой оцен-ке на чужой, надо полагать, опыт. Теперь он пуст, густо зарос деревьями и травой с сорня-ками, и у подпорной стены заросли эти стали совсем глухими.

ЛЕСТНИЦА

Фуникулер называли в Городе подъемной машиной. Еще бельгийской компании (постройки 1903-1904 годов) трамвайчики шли встречно, в лоб, по одной линии, и только в середине они разбегались. Они тянули поочередно друг дружку за хвостик кверху. Мама крепко держала меня за руку на входе в эти вагончики. Они долго загружались, осторожно закрывались двери и по свистку кондуктора неторопливо отправлялись вагончики в путь.

*Пегасы, красавцы пегасы.
Мои деревянные кони ...*

*В детстве знавал я счастье
кружиться под визг шарманок
в праздничном шуме и блеске
на скакуне деревянном.*

*О где вы, радости детства,
когда за медяк на ладони
подхватят красавцы пегасы,
умчат деревянные кони.
Антонио Мачадо*

Как и наша Потемкинская лестница, смыслом здесь было не столько облегчение подъема горожанам, сколько красота и любовь. Мы ехали вниз, чтобы затем подняться – в те годы внизу, если вы не направлялись в Порт и на катера, делать вам было вовсе нечего.

Затем фуникулер разрушили и взамен соорудили серую многоступенчатую эскалаторную кишку. И тот, кто это задумал и нарисовал, я надеюсь, был справедливо наказан судьбой – женщины ему изменяли, бросали его жены и кусали случайно встреченные собаки, включая и тех, кто, отродясь, никого никогда не кусал! Затем решили вернуться к фуникулеру вновь, разрушили эскалатор (что правильно), уложили уже рельсы, но смена городских властей остановила строительство нового фуникулера. И стоят в пунктах А и Б домики конечных станций, между которыми, выйдя из пункта А никакой поезд прийти в пункт Б вовсе не может. Куда же они деваются, выйдя?

Все это пустяки, смешной мизер – есть же наша лестница, чтобы сбегать по ней беззаботно вниз и, не торопясь, подниматься к Дюку, и она по-прежнему на ходу и надежна.

Вот и не о чем горевать! Она привычно загадочна – от Дюка вниз видны только площадки, но нет ступенек, снизу вверх видны только ступеньки и вовсе нет никаких площадок. Ее длина и ширины различны, спускаетесь ли вы, перепрыгивая с площадки на площадку, или, не торопясь, поднимаетесь, пересчитывая ступеньки и всегда сбиваясь со счета. Но зависит это от времени года и вашего настроения, от ветра с залива, поэтому я не знаю их число, да и к чему, ведь в путеводителях это записано тысячу раз плюс один. Мудра была матушка бессмертного Митрофанушки (как многим и лучшим обязаны мы Фон Визину его «Недорослем», как часто повторяли его бессмертный завет «не хочу учиться, а хочу ...», не важно, чего хочу, здесь, главное, посылка – и даже карканье «учиться, учиться и еще раз ...», к нам не прилипло!), – не следует заниматься деталями дела! Но по краям лестница обрамлена широкими и высоченными ступеньками – парапетом, и, если вы сохранили еще легкий и летящий шаг, – вам по ним и сбегать!

Лестница эта в нашей жизни от первого шага и до последнего дня, когда нетвердо ступит нога на ее ступени. Мы сбегали по ней

легко и весело, мы, бывало, и поднимаясь по ее бесконечным на подъеме ступеням бежали, – по ней съезжали на велосипедах и мотоциклах, однажды кто-то даже на грузовике, я как-то попытался спуститься, прыгая на одной ноге, но в тот раз у меня не получилось, мы играем с ней, как с самой любимой игрушкой, подаренной однажды и на всю жизнь, и она все это терпеливо переносит, принимая нас во все времена нашей жизни, какими мы к ней приходим, мальчишками и юношами, и стариками, она нас любит любыми. И кажется мне иногда, что вся пролетевшая стремительно жизнь так и заключилась между ее ступенями – спустился впервые, вприпрыжку, поднялся в последний раз, останавливаясь на площадках и отдыхая. С годами растет число и крутизна ее ступеней, но теперь, когда я задерживаюсь отдышаться, я слышу ее глуховатый и заботливый голос и вижу, как постепенно вырастает, приветствуя меня, наш Герцог.

Вот ведь как – слова эти, родные нам с детства, «Дюк» и «Герцог», мы знаем особо, что ли, никогда не применяя их ни к кому больше в мире. Были, конечно, всякие герцоги в мире,

но наше это слово, идущее всегда, даже мыслимо произносимое, только с большой буквы, эксклюзивно, и только к одному в истории людей приложимо, и, когда мы говорим «Дюк», мы используем одно из нескольких только, по настоящему одесских слов, никому более неведомых в мире!

Как хорошо – здесь вокруг все мое, ступеньки и постамент Дюка, каждая щербинка ... и море, лежащее внизу и растущее в горизонте ...

ДУМСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Думская площадь, начинаясь Приморским бульваром, расширяется в сторону Пушкинской улицы, захватывая ее начальную часть. Три архитектурных ансамбля ограничивают эту площадь: боковая сторона здания Думы, окаймленная вековыми платанами, здание Археологического музея (Бывшая Публичная библиотека Города, первая публичная библиотека империи) с четырехколонным античным портиком над высокой входной лестницей и Английский клуб.

Здание Думы в основе есть творение Джа-

комо Кваренги, его Александровский в Царском Селе дворец. Ф.К. Боффо использовал этот проект, когда в 1829-1834 годах поставил в самом торце Бульвара свою и нашу Биржу. К основному залу с полукруглой ротондой примыкают два далеко вынесенных в сторону Бульвара крыла, – руками, протянутыми для объятия, обращен к нам дворец Думы, и соединены эти руки двойной, коринфского ордера, прозрачной колоннадой. Как четками, которые отсчитывают время нашей жизни. Эти крылья соответственно рисунку холма имеют разную длину. Внутри там был дворик, раскрытый к Бульвару. А торцы крыльев смотрели на Бульвар громадными полукруглыми окнами. Тяжелая закрытая полуротонда в шесть грузных колонн на высоком цоколе спряталась во внутреннем торцевом дворике. Очаровательной легкости лесенка, обтекающая контур ротонды, ведет на ее площадку – и странное несоответствие звучит в мотиве менуэта этой легкомысленной лесенки органным фугам Баха (в коротком парике, основательной плотности фигуры, в серьезности отношения к делу...) грузной, канцелярского назначения, ротонды. Ф.О Моранди в 1871-1873

перестроил здание Биржи, заложил внутренний ряд колонн и на месте открытого дворика устроил просторный крытый вестибюль с антресолями и лестницами. А на месте арочных окон сделал ниши, где поставил Меркурия и Цереру. Над колоннадой поместили скульптурную группу, символизирующую времена суток.

Так это досталось нам. Задуманное для открытых и широких пространств Царскосельского парка, легкое здание дворца стало на краю Карантинной балки, в самом торце Бульвара, в самом начале жизни каждого из нас!

Оно трехлико, – легкости и очаровательной стройности к Бульвару (если вырасти и взять палочку дирижера и провести ею по стволам колонн, они заиграют веселую и тихую мелодию), парадной основательности к думской площади (это выход к народу, к общению и приветствиям) и тяжеловесной канцелярской скуки к внутреннему саду (подняться по лестнице, поклониться, протянуть бумагу на подпись...). От угла его двух сторон разбегаются две лучшие в мире улицы – Бульвар и Пушкинская.

Боковая сторона дворца резко отлична от

парадного портика спокойствием, основательностью и исходящей от ее стен тишиной и прохладой в самый жаркий полдень и величавые платаны кажутся задуманными вместе и неразрывно со зданием. Здесь был когда-то вынесенный в пространство площади высокий навес над входом, на стройных колонках и с чугунной вязью литого козырька. Глубокий, в четыре-пять метров, ров проведен вдоль основания этой стороны дворца, в нем высокие окна подвалов и наклон внешней стены рва дает им свет. (Там во рву живет кошка и растит котят. Сами котята выбраться наверх никак не могут, но мама-кошка стрелой взлетит по отвесной лестнице сваренной из тонкого прута, если вы ей принесете чего-нибудь поесть. Попробуйте, и вы поразитесь – в цирке такого не увидеть! Такой глубокий ров был когда-то в Вавилоне и воспитывались в нем львы. Когда эти котята – рыжий, черный и рыжий – подрастут, опасно станет ходить вечерами на думскую площадь!).

На этом участке Пушкинской улицы проезжая часть пробно была замощена желтым клинкерным кирпичом (двумя разными образцами), и так планировали городские власти

замостить всю Пушкинскую, но вышло слишком дорого, началась к тому же война, и от этой чудной идеи отказались. А жаль, как бы это украсило лучшую улицу Города, а насчет денег, так все равно они вскоре сгорели в котле революции. Улица бы осталась нам навсегда! Площадь эту пересекает продолжением Ланжероновской улицы спуск к порту. Он минует здание Литературного музея и падает глубоко вниз многоступенчатым ланжероновским спуском. Широкие гранитные его ступени заключены в развал высоких подпорных стен, и внизу лестница раздваивается участком подъездной булыжной дороги. Она выводит вас на простор таможенной площади, которая вся принадлежит уже не Городу, а Порту и Морю.

Теперь перед зданием Археологического музея стоит скульптурная копия Лаокоона (ее оригинал находится в Ватиканском музее), где в страшном напряжении сил отец пытается спасти своих сыновей от удушающего кольца карающих змеиных тел. Долгий путь проделала эта пирамидальная скульптурная группа, перемещаясь по Городу. Она стояла первоначально в саду скульптур на даче Григо-

рия Григорьевича Маразли на Французском бульваре и затем, когда в связи с революцией грабились дачи, была перенесена в центр Города и много лет стояла в очаровательном скверике на Преображенской, в месте впадения в неё Полицейской улицы. Оградой был обнесен этот сквер и много лет я бегал мимо в институт либо просто в Центр.

Странна и печальна судьба Лаокоонова. Наказанный богиней Афиной – Палладой за попытку предупредить троянцев об опасной выдумке Одиссея с деревянным конем, он тысячелетия терпит ее гнев так далеко от Трои. Уже третье место занимает эта скульптура в Городе и нигде покоя найти не может. Отбиты руки у несчастных сыновей лаокооновых сегодняшними вандалами, орудием гнева своего выбранными Афиной – Палладой так много веков назад.

Перед музейным зданием и по всему периметру внутреннего сада литературного музея стоят каменные скифские или половецкие бабы со сложенными покойно руками. Они тысячелетие стояли в степи, в густых травах, на высотах холмов. Их вывезли для сохранности в наш музей. За эти совсем немногие

годы своей городской жизни они страшно и стремительно разрушились – совершенно стерлись черты лица. Оказалось, что городская среда, нами не ощутимые дым и копоть здоровой городской жизни, для них губительны совершенно. Но, возможно, что они попросту не хотят больше видеть нас вместе со всем нашим прогрессом, и нас слышать, то, о чем мы говорим. ...Они были богами и покровителями степных кочевых народов. Люди для них были только вместе с конями и стадами скота. Густая и высокая трава степи мягко и ласково стелилась волной к их ногам, зверье бежало по всяким своим делам в этой траве, летало множество птиц, шли неторопливо столетия, из глубины которых приходили к ним люди, их родной народ. Даже и не в том дело, что не стало этого народа, ради которого они жили на земле, что они теперь измазаны краской и всякими глупыми словами – от отвращения к нам, сегодняшним, они уходят в вечность, скрывая от нас свои лица.

Как принято было в старых северных столицах, город тоже имел свой Английский клуб (в веке восемнадцатом говорили в России пра-

вильно – Аглицкий). Он одноэтажен и шестью высокими окнами центрального зала выходит на театральную площадь (когда там стоял старый Театр, они гармонировали фасадами), а в сторону Пушкинской улицы здание вырастает с естественной убылью холма, на котором стоит, в полутораэтажное, на высоком рустованном цоколе. Когда-то здесь был широкий балкон, низко висящий над тротуаром, с великолепной ковanej решеткой, и весь фасад был строже. Теперь там много лепнины и кренделей. А Ланжероновская, по красной линии Итальянской улицы, отсекалась высоким решетчатым забором и воротами. На старой гравюре виден за этим забором густой сад. Создал здание клуба в 1841 году Г.И. Торичелли. В клубе этом бывал работник городской таможни, отставной маиор Лев Пушкин, основные занятия которого со знанием описали друзья* :

*«Наш приятель Пушкин Лев
Не лишен рассудка,*

*Эта эпитаграмма написана в 1820-х годах Баратынским, Дельвигом, Плетневым и самим Львом Пушкиным

*Но с шампанским жирный плов
И с гурдями утка
Нам докажут лучшие слов,
Что он более здоров
Силою желудка»*

Очаровательная скульптурная группа установлена перед клубом с театральной стороны, с тремя сидящими на пригорке ребятишками. Сидят они на густой траве и старшая девочка, сидя в центре, обнимает за плечи самого маленького из ребят, чтобы он не упал с холмика. Прижавшись друг к другу головками, они, тихо смеясь, всматриваются в лягушку, сидящую на краю фонтанной чаши и пускающую изо рта струйку воды. Так тихо вокруг, – ведь они замерли – чтобы не испугать лягушку. Здесь все соразмерно чувству, уравновешенно, и небольшая, в общем, композиция великолепно справляется с пространством, вовлекая его и организуя. Я помню ребенком эту скульптуру, тогда она стояла на противоположной стороне театральной площади, на роскошной клумбе, на спуске холма перед самым театром. Я любовался ею ребенком, а позже показал ее впервые своему сыну

и теперь уже своей внучке. Это подлинник работы какого-то француза и, говорят, копия сохраняется где-то во Франции, в музее. Наш же оригинал имеет сложную и печальную судьбу. Происхождением он, возможно, из собрания Маразли, при ремонте Театра в шестидесятые годы скульптурную эту группу, за ненадобностью, разбили и собирались выбросить в мусор, и только чья-то публикация в прессе позволила ее спасти. Сегодня у деток отбиты ручки и ножки (на моей памяти это случилось уже десятки раз), лягушка уже не подлинная и заменена копией, тоже не первой, взамен украденных. Нет, массы вовсе не равнодушны к новым формам, как говорил Гете, они ненавидят любое отклонение от обыденности, от стихии пищеварительного существования.

Дугообразна линия Воронцовского переулка (Краснофлотский, Екатерининский) и в самом его конце, перед Бульваром, она ломается прямым углом. Он кривоколенный, узкий, и поэтому лишен деревьев. Но его дворы полны зеленых крон, внутренние садики есть в этих дворах, они имеют ограду, а в ней колодец и в центре стройная ваза. Начинается пе-

реулок многоколонным гулко-коридорным дворцом барона Маса (архитектор Ф. Маранди, 1849). Слева идут арки конюшенного двора (там внутри, чуть вправо, на внешней стене, сохранилось кованное кольцо – коновязь). В переулке много высоких дворцовых арок над проездами и в арках кованные дугами решетки. Если идти переулком от Воронцовского дворца, по правую руку, в самом начале переуллка, есть тайный петляющий ход, и можно, при нужде, мгновением сбежать в самую глубину Военного спуска. И загадочный дом там есть под № 4-м – стоит сохранившаяся многоэтажная фасадная стена, в окнах горит свет, сквозь занавесы видны тени людей, но за этим фасадом пустота, куда-то и навсегда исчез дом. И кажутся окна этого дома фрагментами меняющейся сцены в театре теней и абсурда, где в отсутствующем пространстве что-то разыгрывают тени дано пропавших людей, о чем-то спорят, жестикулируют, заламывают руки жестами удивления и любви...

Чуть надломленная в отдаленной перспективе, раскатывается от Екатерининской площади улица Сабанеева моста, разбиваясь в конце о высокое, в красном кирпиче, эклек-

тичное здание доходного дома на Надеждинской улице. Кроны растущих под мостом чумаков с кровавыми стручками семян нависают над ним. Сразу за мостом на крутом склоне обрыва к Военному спуску стоит камерный сад графов Толстых и за ним их двухэтажный дворец, ветви и цветы улыбаются с его оконных витражей. Голова печального льва нависает над въездными воротами картинной галереи дворца и меандр неостановимо бежит по его стенам.

Думская площадь

ДЕРИБАСОВСКАЯ

Дерибасовская улица загадочна. Она коротка, часть ее длины занимает Городской сад, а участок ниже Пушкинской улицы, тупиковый, и вовсе выпадает из восприятия (в качестве Дерибасовской), она застроена преимущественно двух-трехэтажными зданиями весьма посредственной архитектуры, в нескольких местах своей и без того короткой протяженности она изувечена вставками советского времени, от сталинского ампира, на углу Екатерининской, до хрущевки, на углу Гаванной. Собственно улицы, украшающей Город, здесь вовсе нет. Есть иное: основная линия и нерв. В ней, в этой короткой линии велико напряжение чувства и в основу ее положена некая магия, природа которой неопределима, но всеми и всегда ощущалась.

До 1811 года называлась она Гимназской (реже Гимназической улицей, от коммерческой гимназии Вольсея, открытой по указу Ришелье в 1804 году), затем Дерибасовской, Лассаля (с 1920 по 1938 год), Чкалова (после его гибели в 1938) и вновь, при румынской оккупации, стала Дерибасовской, так ею и

оставшись.

В самом конце тупика установлен к 200-летию Города памятник Иосифу Де Рибасу. Стоит кузнечиком на груди булыжника, выковырянного из мостовой, человечек в стилизованном под XVIII-й век камзоле и со штыковой лопатой гробокопателя в руках, маленький и никому ниоткуда не видный, поскольку это самое низкое место окружающего ландшафта. Выполнен памятник этот с максимальной экономией способностей и средств. Недостойный и оскорбительный для памяти Иосифа Де Рибаса и наших чувств.

Ах, ему бы памятник поставить – по заслугам, такому, каким он был – солдату удачи, авантюристу и политическому интригану, любителю крупной игры в масштабах Европы, храбрости его поставить памятник, при взятии Измаила, с широко поставленными ногами, ртом, в яростном крике, со шпагой в руке и развевающимся камзоле, с головой в яростном полуобороте к идущим следом черноморским казакам. ...И этим человеком, глядящим в лицо устрешенной судьбы, любоваться бы горожанам, видя истоки Города именно здесь. ...И место для этого памятника пред-

назначено с первоначальных наших времен – на Воронцовской площадке, у дворца (а памятник ракетостроителю можно перенести куда-нибудь на Пересыпь, в хорошее и достойное место, в какой-нибудь номерной – Заливной или Деревообрабатывающий переулок...). И оказались бы они, как и положено, рядом, в самую парадную линию Города, – Дюк, Пушкин и Де Рибас – три «кита», на которых стал и стоит Город!

Дерибасовская всегда была обсажена акциями.

«Большая Московская» гостиница. Такого избыточного лепниной образца модерна нет больше в Городе и вообще редко такое бывает с модерном. Стоит он особняком, вне ряда домов и на лучшем месте, глядясь в Городской сад и Греческую площадь. На его стенах собраны все ходовые сюжеты модерна: крупные маскароны в гирляндах цветов, растительные опоясывающие фризы с диковинной птицей в зарослях, парные львы, усевшиеся над зеркальными стеклами окон. Крыша когда-то была украшена большими шарами. Он в страшном состоянии, рушится и облетает

лепнина, висят продырявленные балконы. Как-то был даже начат ремонт со стороны Колодезного переуллка, но дело дальше не пошло.

Старых открыток этого дома множество – им гордились. И видно, как был он наряжен, как праздничен был. Там, на открытке, летний день, в самом начале лета, весь в молодой чистой зелени, когда каждый листик чувствует себя неповторимо особым и чуть звенит под легким ветерком, касаясь о него и своих соседей. Еще малознакомы ему листики-соседи (но будет долгой общая жизнь в высоте и на ветру, будут ласковые дожди, но и страшные грозы будут, как и даровано каждому из нас в жизни). А сейчас все дерево звенит тихой песенкой.

В первом этаже этого дома всю нашу жизнь был «Золотой ключик», кондитерский, лучший в Городе магазин. Нас приводили сюда родители, меня мои, я – сына, и теперь я хожу сюда с внучкой. На стенах был многократно представлен умный – благоразумный Буратино, золотоволосая Мальвина и королевский пудель по имени Артемон, символ отваги и благородства. Теперь магазина этого

не стало. Его перенесли сначала за угол, в новый греческий дом, а теперь «задвинули» вплотную к Привозу. Но, согласитесь, главный «сладкий» магазин для детей должен быть красивым, в красивом торжественном месте Города, где был всю нашу жизнь!

В узком Красном переулке, вытекающем из многолюдной Дерibasовской, практически не бывает людей. Он стар, двухэтажен, ветх и очень тих. Были здесь когда-то маленькие гостиницы, очень средней руки, а в первых этажах небольшие магазинчики и мастерские. И все стены первого и даже второго этажей были в рекламных щитах и вывесках.

На старом фото кофейная «Константинополь» с вынесенной на тротуар деревянной верандой и столиками, она невелика и уютна. («Константинополь» это правильное название древней столицы Византии и только так называли у нас этот город). Это кафе-ресторанчик средней руки в тихом утреннем Красном переулке. Вроде бы в самом центре Города и так далеко от суеты и шума. Клиенты здесь постоянные, они приходят сюда по утрам с Греческой и Полицейской улиц и с Преображенс-

кой. Летним утром, предвещающим жаркий солнечный день, они все в сюртуках и жилетах (а в них карманные часы на цепочке), и в неизменных шляпах. Здесь подают утренний дымящийся кофе, можно выпить пива с раками, маслинами или сыром. Знакомые проходят мимо и раскланиваются с сидящими на открытой веранде. А в полдень все они дружно сверят часы по полдневному пушечному залпу с Бульвара.

Сидят за столиками, позируя фотографу, почему-то одни мужчины с серьезными усатыми лицами, все в шляпах:

*«Все в штанах, скроённых одинаково,
При усах, в пальто и в котелках ...»*

Саша Черный

Обвалившаяся штукатурка на стенах дома №4 открыла старую дореволюционного времени надпись, выполненную в технике фрески – «Мастерская ОБУВИ». Таких надписей множество в Городе, их не сбивали вместе со старой штукатуркой, а забеливали или штукатурили поверх. И надписи эти, всякие «Колониальные товары» и «Бакалейная торгов-

ля», и «Табакъ» (в межоконном проеме на вертикальных вывесках разъясняется: «Табакъ, Сигары и Папиросы лучшихъ фабрик, Амфора»), и «Чайная торговля» («Вода, Лимонадъ, Фіалка, и Восточныя Сладости»), – они были у нас перед глазами все это столетие, наблюдая нас сквозь наложения времени. Но облетит нестойкая штукатурка новых времен, остановишься и прочтешь рекламу товаров, когда-то выставленных в этих окнах, да и нарисованы сами эти товары здесь же, в оконных проемах и вокруг входных дверей. Как машина времени – подойди, толкни старую резную дверь, переступи порог в прохладную тишину торгового зала и поздоровается с тобою хозяин грек ...

Колодезный (Колодязный) переулок (ныне контр-адмирала Жукова) проложен от Дерibasовской до Полицейской и пересекает Греческую. Названием он обязан, видимо, фонтану на греческой площади. Здесь, в доме купца I-й гильдии Крамарева, под №3, на углу Дерibasовской против городского сада жил Лев Пушкин. Первая часть переулка парадна, на углах Греческой стоит русский театр в рус-

ском модерне и в нем же сделаны два рослых красавца на противоположном углу. Здесь много лет был кинотеатр именем «Котовский» с кассовым залом с угла, и на лестничном марше в переходе ко второму этажу висел маслом писанный портрет знаменитого красного кавалериста, любовно опершегоя на сабельный эфес. Лысый череп, усы мушкой и суровый, но добрый, как у гремучей змеи, взгляд. Выход из кинозала был на Греческую площадь по внешней парной симметричной лестнице. (В наших кинотеатрах была загадка: поднимаясь в зал, вы преодолевали меньшую высоту, чем при спуске. Ощущение всегда было странное – вы спускались с несоизмеримо больших высот. Так было в кинотеатре «Одесса»). Теперь промежуток между двумя модерновыми красавцами занят «греческой» многоэтажкой, в том смысле, что строили ее сегодняшние греки. Это ординарная современная коробка, но в первом ее этаже со стороны площади «сохранен» длинный ряд колонн, памятью о стоявших здесь еще недавно старых базарных колоннах.

Там в переулке два голых и бородатых, но плотно сбитых мужика, подпирают плечами и

руками балкон над дворовым проездом. Они различны судьбой – у левого на торсе широкий армейский ремень и простыня (я не знаю названия этой полотняной штуки, прикрывающей гордость мужчины), второй же лишен ремня и прикрытие падает с чресел. Он, бедняга, опустил правую руку, успев подхватить простынку. Так он и стоит, столетие уже, и только одной рукой поддерживает балкон. Ему тяжелее. Стоял бы, плюнув на эту проблему – только бы выиграл!

Во дворе 4-го номера, в узких щелях между высокими корпусами висят античные кладкой и видом арки, одна над другой, просто так, потому что красиво! В высоте этой узкой щели над арочной дугой видна луна. И, повторяя формой продолговатый и узкий двор, на возвышении, в кованной ограде, разбит внутренний сад, заросший густыми кустами и высокими деревьями (а деревья в таких дворах всегда высоки, им надо тянуться изнутри дворового колодца к солнцу!).

Ах, когда-то молодой парень с глазами, так светившимися в темноте, что ночью он не нуждался в освещении, бывший в те годы временно мной, провожал к этому двору девуш-

ку. Наш Город коварен – в этих волшебных декорациях, в мягкости ночной светотени, в обманчивых ликах нашей луны, выглядывающей из-за крыш, как не влюбиться, как не утратить разум, как часто мы с радостью и вопреки всей логике близких его теряли...

Зато теперь он всегда с нами, со мной, то, что осталось, ...

В Городском саду стоит эстрада, где по пятницам бывали концерты. Смеющийся и веселый фонтан купается в центре сада. Он камерный, соразмерен площади и людям. Уютен. Фонтаны бывают трех основных назначений. Крохотные размером, интимные, – для утешения непролитых слез. Громадных размеров, державные, многофигурные в золоте и блеске (такими были они на ВДНХ в Москве), для народных ликований и манифестаций. Они напоминают парады, мирные танковые колонны, бодрые дикторские голоса. И соразмерные нам, людям, такие, на краю которых можно присесть, выкурить сигарету, поджидая друга, или прочесть от него письмо, и они заслонят лепетом своих струй шум окружения.

Наш именно такой. Посреди круглой и невысокой чаши бассейна высится стройный многогранный столбик из двух, большей и меньшей, фонтанных мраморных чаш. Как акробаты ставшие на плечи друг другу и ждущие за удаль аплодисментов. Полусфера водяных струй накрывает фонтанную чашу, каскадом сливаясь с верхней в нижнюю и с нижней в бассейн.

Сад был подарен Городу майором Феликсом де Рибасом. Ему ничего другого не оставалось, как подарить, ведь сад расположен так, что оставаться частным никак не мог. Это, по сути, наш общегородской перекресток. А фонтан – это знаменитый камень в русской народной сказке. Только разбежишься, и глядь, – лежит камень, а на нем надпись: пойдешь налево, ... пойдешь направо, ... прямо пойдешь... – все едино и добра не жди! Поэтому и неважно, куда поворачивать – в логике нашей жизни это параллельные линии и они непременно сходятся в отдаленной перспективе.

Если бы сад был закрыт домами от Дерibasовской, стал бы он тоже Пале-Ройялем, только первым по времени. Сегодня от него

мало что сохранилось, разве что название прилежащей улицы, в нем клубится людская толчея вокруг ларьков с безделушками и поделками ремесленников от художеств, считанные деревья мешают этой толпе, вовсе нет кустов и травы. Идет гулянье и торг. А фонтан все такой же, как был когда-то, столетие раньше, журчат струи воды и падают с разбега и на излете в фонтанные чаши, вскипает под их ударами вода, танцует веселый испанский какой-то танец, бросает ветер водяную пыль на прохожих и, пробегая эту замусоренную людьми площадку, внезапно с удивлением видишь, что в струйках фонтана запутался гребешок радуги. Она такая яркая и посвежевшая!

Этими днями наконец-то привели в порядок территорию сада – выровняли и выложили его дорожки керамической плиткой. И то, что мэрия должна была сделать еще множество лет назад, заменить щербатый и весь в ямах асфальт чем-то приличным, она сочла благодеянием для горожан и увековечила этот свой благородный поступок, сделанный на народные деньги. Прямо перед фонтанчиком, в лучшей на него и весь сад обзорной точке,

от Дерibasовской глядя, на коротенькой дорожке среди клумбы, вбили в землю на века монумент. В сечении пол-на-пол метра и высотой полтора, а весом в тонну. И написали золотом, что Феликс де Рибас основал, а нынешний мэр воссоздал для горожан этот сад! Это и есть тот самый развилочный камень в стране дураков и написанное на нем надо уметь прочесть...

Это правильное начинание надо продолжить, не мелочась. Нельзя же, согласитесь, на каждом городском углу, где поправили асфальт или прохудившуюся трубу канализации, установить такой булыжник со словами горячей нашей благодарности. Но можно, например, расширить размером и темой уже созданный памятник де Рибасу, и поставить там вторую фигуру – текущего мэра, и тоже с лопатой, и написать просто: «Первому – от второго!».

По линии Дерibasовской на постаментах расположилось семейство львов. Их много в Городе и вообще их много стоит в разных городах мира, но у наших есть дети, и они обязательно когда-нибудь вырастут.

ГАВАННАЯ

Военная балка (исторические названия: Портовый спуск, Военный спуск, Гаванский, Сабанеев, Сабанский, Гаваный, Военный гаванский, Воронцовский, Казенный, спуск Молокова, Жанны Лябурб и вновь Военный спуск). Эта балка начиналась в районе Греческой площади и существовал на заре времен даже деревянный мост через Дерибасовскую улицу, где ее пересекала балка. Военным спуск стал называться от расположенных вдоль балки солдатских казарм и офицерских флигелей. В дальнейшем на верхней части спуска, от Сабанеева моста до Дерибасовской (сегодня от Малого переулка до Дерибасовской), образовалась Гаванная улица.

Эти балки сильно усложняли жизнь нашим предкам – надо было их как-то преодолевать или далеко обходить. В ливень они превращались в реки, а подсыхая, в болота, и еще подсохнув, в страшные тучи пыли. Если уж существовал мост через Дерибасовскую, то, наверное, был мост и в районе будущей Ланжероновской улицы, пока не засыпали верхнюю

часть балки. А жаль, мосты в Городе – это так красиво!

Сейчас выяснил – там был деревянный мост, и он там остался стоять, он просто засыпан. Мы все эти годы ходим по невидимому мосту – из Горсада на Ланжероновскую и обратно. Он, наверное, имя имел, и возможно, как и улица в те годы, назывался Портняжьим. Как и ниже по течению балки стоящий Сабанеев, этот был тоже арочный с перилами, но шел дугой и красиво смотрелись на нем кареты. Пробегал по нему Пушкин. Теперь, зная правду, вы, проходя этим мостом, можете подойти к его перилам, облокотиться и так постоять, лицом к морю, туда, где из-за поворота выступают арки Сабанеева моста...

Гаванная, это от слова «гавань», – короткая эта улица всегда была частью ведущей к гавани дороги, проложенной по дну балки. И потому правильное ударение звучит на первом слоге. Юношей я, не задумываясь, ударение делал только на втором слоге, как и сегодня это продолжаю делать, зная, что это неверно, как, впрочем, делает вместе со мной и весь город. И всегда выводил это название от имени Гаваны. Я хорошо знаю, что это не

так, но всегда ловлю себя на ошибочном ударе, даже когда вспоминаю улицу мысленно. Поэтому все же правильно производить имя этой улицы от второго в мире по красоте города – от столицы Кубы. Потому что, двойное это сочетание обольстительнейших в мире имен, Гаваны и Кубы, многократно усиливает ощущение рядом живущего моря.

Много неожиданных деталей таит в себе Город, не бросающихся в глаза, но вот вдруг остановишься и удивишься. На Гаванной, совсем рядом с многолюдной Дерibasовской, у выхода из кинотеатра Маяковского (и теперь вновь Уточкина, по-дореволюционному), есть обрамление с приземистыми мощными колоннами и высоким рельефом над входом. Сюжет рельефа связан с театром. В середине помещена трагическая маска и по бокам ее две группы. Справа, в центре, обнаженная женщина с высокой грудью и на ухо ей что-то нашепывающий дьявол, а в другое ей шепчет флейтистка (в Библии флейтистка есть символ разврата). Слева – сцена возмездия с вонзенным в грудь по рукоять кинжалом, это мужчине, а ниже женский обнаженный труп с обольстительной грудью, – возмездие уже

свершилось, и женщина летит вниз головой в пропасть забвения. А основаниями колонн положены громадных размеров головы-маскароны, трагические маски с широко раскрытыми в крике ртами. И ты, остановившись закуришь и подняв от огонька голову, внезапно читаешь на этой стене знаки судьбы. Этот портик к зданию мало подходит, его сделали позже. Когда-то были там резные и богатые двери, сделанные мастером, а теперь какая-то оскорбляющая взгляд дверь, сколоченная из помойных досок. Но время и люди, ошельмовавшие здание и работу мастера, не смогли стереть все, и неведомая рука, тебе, увидевшему, пишет на этой обшарпанной стене послание...

Гаванная очень коротка, если считать от Дерибасовской до устоев Сабанеева моста, или даже до Малого переулка, к тому же часть ее приходится на «пустое» место, где вытекает, продолжением Городского сада, развитием его продольной аллеи, поперечная Гаванной, Ланжероновская улица. Но как насыщена жизнью каждая пядь ее длины. Даже не знаменитыми зданиями, не дворцом, где теперь музей (когда-то в кабинете своего отца, там

сизивал маленький Юрий Олеша, рассматривая картинки в старинных книгах), и не домом графа Ланжерона на самом углу Гаванной (у входа в который стояли две жалованные ему настоящие турецкие пушки), и не маленькой капличкой – костелом Св.Петра-апостола, и даже не перечислением событий и имен, число которых превысит насыщенность подобным самых длинных городских наших улиц, но главным, в чем и заключена великая магия Города, его камней и земли.

Здесь отпечатались шаги многих поколений горожан и здесь, в пространстве этой улицы, задержавшись навсегда в воздухе, у балконных подпорок, у карнизов, у лепнинных морд на фасадах зданий, остались их живые голоса, обрывки сказанных слов, звуки смеха и даже блеск глаз, видимый конечно же только в ночное время, но не во всякую ночь, и не всякому. Ушли давно ходившие и смеявшиеся здесь горожане, одних уж нет, другие давно покинули Город, но все слышны их голоса, они говорят, смеются и спорят.

Все мне кажется, что торопясь или неспешно идя Гаванной, в утренние тихие или ночные безмолвные часы, я иду в толпе горожан,

они движутся встречно мне или сопутствующе рядом. Иногда я чувствую дружеское прикосновение плеча или руки, даже запах сигары как-то я почувствовал, и именно гаванской сигары – мне ли не знать этот запах счастья, – и, оглянувшись в удивлении, где этот счастливец и брат, я никого курящего рядом не увидел, только мордатый и рыжий кот в задумчивости сидел в витрине случившегося здесь овощного магазина и мимо с деловым видом в сторону Дерibasовской направляясь, пробежал покачивая упругим хвостом долматинец.

Там, где оборванная неожиданным изломом, Гаванная становится Военным спуском и стремительно падает к морю и Порту, театральной декорацией поставлены тяжелые арки Сабанеева моста. Сработанные еще рабами Рима. Если пустить в эту балку воду, то станет река и вокруг моста можно будет построить Париж. Три грузные арки держат на своих надежных плечах мост (и нашу душу держат, потому как, если случится, что их внезапно не станет, опустеет наш мир, как пустыня Сахара), держат, опираясь на крутой спуск, и поэтому высота моста с двух его сторон

очень разнится. Три туннеля преграждают вид на Порт, и, выйдя из них, ты оказываешься на изломе улицы, в начале ее крутого падения к Порту. Солнечным днем Сабанеев мост рождает тень и прохладу, но сразу за ним солнце обрушивается на тебя и уже не отпускает до самого конца спуска. Мост был построен в 1831-1836 годах военным инженером А.И. Казариновым и имя носит генерала Сабанеева, у дома которого был построен. В доме этом была в те годы лучшая в Городе библиотека, читал там книги Пушкин, смотрел через высокие окна на море.

Замечали ли вы, что первый же шаг с высоты городского плато на спуск к морю и порту нас изменяет, и мы становимся иными. Еще минуту назад ты шел по улицам Города, полный забот и дел, но вот ты миновал Сабанеев и шагаешь уже по крутизне Военного спуска, и ты здесь стал иным – ты идешь к морю и порту, к празднику...

ЛАНЖЕРОНОВСКАЯ

Ланжероновская (Ласточкина, до 30-х годов XIX века Портняжья) пряма и пуста. Это ощущение рождено редким для Города отсутствием деревьев на узких ее тротуарах. И потому летним знойным днем ты ее непременно минуешь, обойдя стороной, в ней этот зной застоялся, им пышут стены домов. А зимним холодным и ветреным днем на ней особенно холодно и неуютно сердцу, и ты вновь пройдешь стороной. Не в жаре и не в холоде дело, на ней бывает одиноко сердцу и идти по ней следует только с другом, о чем-нибудь с ним говоря.

На перекрестке с Екатерининской стоят наискосок два высоких дома в модерне. В левом помещался ресторан «Украина», у него наверху в форме древнерусского шлема, завершающееся стеклянным и разноцветным шаром. Вставить бы недостающие стеклышки, осветить изнутри и закрутить этот шар, — как было бы славно! В противоположном доме, решенном в псевдоготике, — агентство «Аэрофлота», начальная точка наших путей и странствий. Создавший впервые готику руководствовался видом обглоданной рыбы, все

ее поздние «псевдо»-виды, вплоть до адсорбировавшего всю историю архитектуры модерна, способствовали смягчению жесткости этих ребер, но это здание так зализано, что стало смесью готики и барокко, несъедобным кремовым тортом, с торчащими в нем обломанными иглами ежа.

Вся правая сторона Ланжероновской состоит из сохранившихся старых и характерных для Города двухэтажных домов. В Городе их много, они приземисты, просто устроены, просты декором наличников, с двухскатной крышей и проездными воротами. По второму этажу у них устроены балконы и они опираются на выкованные из толстых прутков изящные витые кронштейны. Начальный дом улицы – это перестроенный дом Ланжерона. Весь этот квартал в границах Ланжероновской и Дерибасовской улиц состоит из каре зданий – сверстников. Да и с левой стороны Ланжероновской, в ее центре, под номером 28-м, стоит такой же старый двухэтажный дом.

В среднем им по сто пятьдесят лет и когда-то они были совсем молодыми. Они поставлены здесь навсегда и видеть могут только свое ближайшее окружение. Даже дом, им сверст-

ник, стоящий за ближайшим перекрестком недоступен и они никогда его не увидят. Они стоят вперемешку, старые и не очень, и совсем уже молодые дома, построенные разными поколениями горожан по свойственным им вкусам и предпочтениям. Много поколений жильцов сменилось в них за прошедшие столетия. Изменялась в домах мебель, уходили старые хозяева, а новые часто рождались прямо в их стенах и здесь же учились ходить, как потом и их дети.

История дома состоит из жизни и судеб людей, последовательно сменявших друг друга. Эти стены много видели и слышали, молча наблюдая жизнь своих обитателей. Они помнят тяжелый шелест балльных платьев и звон офицерских шпор, царапавших немилосердно паркет (и сегодня можно различить царапины на поверхности старого дубового паркета), золотое шитье эполет и спокойную гордую плоскость сменивших эполеты погон, вереницу торжеств, расставаний и встреч и навсегда отъездов (на военные компании, как говорили тогда, в дальние страны с возвратом и без), горе и радость. У дверных их теперь покосившихся косяков женщины всех

этих времен провожали своих мужчин и шептали слова охранительной молитвы. Зарубки о росте ребенка видны на этих косяках и теперь уже неизвестно, кто был этот растущий, выросший и навсегда ушедший в этот дверной проем человек. Своих жильцов провожали парадные ступеньки, ведущие на солнечную улицу, – детьми на учебу, – юношами на свидание (каким летящим был шаг этих ног!) и потом – стариками, шаркающей походкой идущими пройтись по бульвару. И все началось вновь, потому что поколения сменяли друг друга, изменялись привычки и вкусы, одежда и речь, только дома старели и не изменяли свой привычный облик и так дожили до наших дней и встретили нас. Без людей дома эти были просто камень, положенный друг на дружку в определенном порядке, дерево оконных рам и дверей,ковка ворот и мрамор ступенек. Но за прошедшие столетия они срослись с жизнью своих обитателей, приняв их всех в свои стены, всех полюбив. Они баюкали нас малышами, храня тишину, они сдерживали порывы рвущегося с моря ветра и потоки бьющего в окна дождя, ограждали от свер-

кающей молнии и любили нас, радуясь радостям и разделяя беды.

Вот я перехожу улицу и, став на противоположном тротуаре, долго смотрю в лицо этого дома. Он двухэтажен, основателен и тяжел стариковской тяжестью. Все его тело в рубцах от полученных ран переделок и утрат. Два его соседа к Гаванной были моложе, но их не стало, и теперь рядом с ним выбоина за забором и на углу сталинский дом, украшенный туалетной плиткой. В сторону Екатерининской два дома сохранились. Но все они, давнишние соседи, утраченные и оставшиеся, были моложе. Это заметно в декоре – на их лицах много лепнины и измельчен рисунок. Он же здесь самый старый и на стенах его читается дыхание стиля – плоскость стены выделена скупым рисунком наличников и великолепны дуги обрамлений парадного входа и окон.

Седые брови наличников нависают над внимательными его глазами, сейчас рассматривающими меня. Он чуть удивлен – редко кто из бегущих в суете дел по этим тротуарам его замечал. Но, как и столетия назад, он стоит на ногах еще крепко, принимая нас и провожая, и узнавая наши шаги по ночному тротуа-

ру, торопящиеся к себе домой. К нему, ждущему нас всегда.

Очень важно для нас в день, когда он Дом, очеловеченный нами и нас выростивший, отправится в свой последний путь, прийти постоять рядом с ним – попрощаться!

НАДЕЖДИНСКАЯ

Гоголя (Надеждинская). Имя Гоголя носит с 1902 в связи с 50-летием со дня смерти. Она открывается со стороны Малого переуллка двумя двухэтажными старыми зданиями обольстительно простой архитектуры, а в конце ее стоят друг к другу наискосок два великолепных здания – дом баронов Фальц-Фейнов в нидерландском и «Шахский» дворец в англо-мавританском стилях.

В известной мере, это немецкая улица и стоят на ней дома одесских немцев: баронов фон Фальц-Фейн, Е.И. Шульца (№ 9). Лучшее, что есть на Надеждинской и во всем Городе, его украшение, Опера и дворец Толстых, старая и новая Биржи и Вокзал, сотни зданий в русском модерне, все это было со-

здано на самом рубеже веков, совпав, как это не поразительно, с периодом экономического спада в Городе.

Повернув с Малого переулка на Надеждинскую, ты внезапно попадаешь в странный и длящийся во всю эту улицу танец – все вокруг танцует – солнечные пятна и тени от ветвей и листьев, ласковое прохладное утро, сам воздух, прозрачный и легкий, и какая-то, давным-давно позабытая мелодия кружится здесь, легко касаясь стен и стволов деревьев, брусчатки дороги и тебя касаясь и вновь идя по кругу. Взвешен в пространстве уличного воздуха шаг, он легок и невесом, и такт какой-то легкомысленной, милой сердцу песенки, тихонько напевают губы и отстукивает сердце:

*«Ребята, ребята,
Мы были молоды
Когда-то, когда-то,
А на щеках играла кровь!»*

Легок шаг, хмельна беспутная голова и горе красавице, встретившей тебя в этот день на Надеждинской!

Дом потомственных почетных граждан Города баронов фон Фальц-Фейнов, одесских немцев, крупнейших овцеводов России, в основе своей усадьба старого времени и от новых времен, в которых был создан, он взял асимметричность композиции. Его скошенный и выступающий к улице угол был украшен навершием-башенкой с высоким шпилем и укреплен понизу Атлантами, несущими на себе небо и еще этот эркер. Смотрят Атланты вниз, на далекую Землю. Наши Атланты держат на плечах небо, в отличие от Питерских, на эрмитажных задворках подпирающих какой-то условный балкон. Им тяжело в этой бессменной работе и не потому, что тяжелы небеса, но видят они близко перед собой только серый асфальт тротуара. Как носильщики на Привозе. Они должны бы стоять повыше, на втором, например этаже, вместо эркера. Поэтому приходится подходить к ним очень близко и, наклонившись, участливо заглядывать в их уставшие глаза. Тяжело!

*«Я спросонья вскочил – патлат,
Я проснулся, а сон за мной,*

*Мне приснилось, что я – атлант,
На плечах моих – шар земной!*

*И болит у меня спина,
То мороз по спине, то жар,
И с устатку пьяней пьяна,
Я роняю тот самый шар!*

*И ударившись об Ничто,
Покатился он, как звезда,
Через Млечное решето
В бесконечное Никуда!»*

Александр Галич. 1964 – 1966

Упади, наш звездный шар, вырвавшись наконец, покатился бы не торопясь и неостановимо по Надеждинской и, свернув за угол, по Сабанееву мосту, по самой его середине, а следом за ним, распрямив наконец-то спину, шли бы Атланты по его сторонам, с любопытством разглядывая дома и прохожих людей и потирая занемевшую поясницу, а звездное небо, пересыпая внутри шара свои звездочки, катилось бы себе и катилось. Особенно хорошо было бы оно ночью – светился бы звезд-

ный шар, ослепительно пролетали бы в нем кометы, шарахались бы в стороны машины...

«Шахский» дворец стоит на самой кромке холма и узким оставленным его строителями проходом можно пройти к бульвару Искусств. Надменный и гордый поляк Бржозовский построил этот дворец и позже жил в нем изгнанный с престола шах-персиянин. Своим британско-мавританским стилем он напоминает воронцовский дворец в Алуште. Это уголок Англии, заброшенный так далеко к юго-востоку. Дворец великолепно теперь восстановили и окружили чудной,стройной и нарядной решеткой.

Если прийти сюда осенью, в дождливый и ветреный день, когда рвущийся с моря ветер несет в себе горсти соленой воды, сорванной с бурунов, и злобно бросает их в твердо огражденные дворцовые стены, и бьется в исступлении в них, пытаясь разрушить, если обогнуть дворец со стороны моря, то в глубине дворового колодца, в наклонном с прорезями окон переходе в угловую башню, в полночь, можно увидеть мерцающий свет и девушку в белом подвенечном платье, идущую с зажжен-

ной свечой в руке... Упрямо нахмурены черные стрелы бровей, стремительна ее походка и яростно развивается белый шелк подвенечного платья, цепляясь за углы и ступени. Свет выхватывает доспехи солдат, застывших на страже и отражается на лезвиях вскинутых приветствием клинков. Этот свет будет переходить из окна в окно, с лестницы в лестницу, вверх и вниз, всю долгую и холодную ночь, пока не исчезнет на рассвете в глухом дворцовом подвале. Что-то ищет она неустанно в эти ненастные ночи и никак не может найти. Говорят...

А со стороны Надеждинской дворцовая ограда заканчивается зубчатой башенкой, и висит над солнечным тротуаром маленький балкончик – говорят опять же, что когда-то, и тоже в ненастную полночь, но только весной, открывалась балконная узкая дверь и местные евнухи сбрасывали вниз неверных и обольстительных шахских жен. Там невысоко, и говорят, опять же, что некоторые из сброшенных вполне выживали, говорят, их ожидали внизу у балкона...

Мрачный и кокетливо завитой кудрями Гоголь останавливался здесь в доме № 15 в

апреле-мае 1848, в доме графини Толстой, – он прибыл на фрегате «Херсонес», возвращаясь из Иерусалима. Паломничал он в святую землю за нужными ему впечатлениями и их вполне получил, сидя в маленьком и грязном арабском городке Вифлееме, ничего кроме пыли и грязи не ощутив и, кроме пристающих арабов, не увидев. Затем, убежав от северных московских холодов, он жил с октября 1850 по март 1851 года в доме № 11 по Надеждинской у генерала Трощинского. Он писал тогда в Городе светлую часть самой мрачной своей книги – вторую часть «Мертвых душ». Писал о России – он и всегда писал о России, только из нее далеко уехав. Исхудавший, сутулый, остроносый и длинноносый, с маленькими печальными глазками, с длинными каштановыми волосами, в коричневой с бархатным воротником шинели и пестром шарфе, сколотом на шее громадной несуразной булавкой, в конусообразном цилиндре, он часто ходил Сабанеевым мостом к старому Театру. Он, наверное, всегда боялся ходить мостами – они ведь могли развалиться и упасть, и бог знает, кто и что, какие неведомые твари, могли обитать под этими мостами, в их пугающей

темноте, могли выскочить оттуда внезапно, схватить за полы шинели, утащить... Те, кто не знал, что перед ними Гоголь, дивились безмерно странному виду этого человека, но знавших его всегда было, впрочем, немного...

Парадные входы в этих домах – парадны – литые колонки и плетенка боковых ограждений, и кронштейны старых светильников – чудные литьем и даже отсутствие самих светильников не удивляет. Прохладна и тениста арка углубления и манят войти в дом старые мраморные и стертые временем ступени. Атлантов на этой коротенькой улице множество...

Ничем не примечателен дом под № 4, но вот ворота в нем – прелесть и легкость руки Добужинского или манерность и изыск Бенуа в рисунке этих ворот, – но навсегда распахнуты они настежь, выломаны деталиковки, а наверхие подломано для проезда машин и отогнута нижняя его половина, подвязанная как заболевшая зубом щека и подваренная убогим уголковым прокатом. В хорошей книге о Городе, напиши ее кто-нибудь толковый, рисунок этих ворот можно было бы дать на ее обложке, восстановив в нем утраты и очистив

от наслоений красок, небрежения и пережитых бед, – и цены не было бы этой книге!

САБАНЕЕВ МОСТ

В центре улицы Гоголя открывается путь к каменному Сабанееву (Сабанскому) мосту. В его начале, перед балкой Военного спуска, стоит дворец графов Толстых, построенный в 1830 году в формах ампира, теперь, вместе с пристроенной к нему картинной галереей, наш дом Ученых. Он выходит в зарешеченный сад, висящий над балкой на подпорной стене и открывается внутрь сада высоким многоколонным портиком-полуротондой с пояском поперечного легкого балкончика по второму этажу. В центре сада устроен фонтан в окружении прихотливо раскинувшихся клумб. Вода в фонтане иссякла. В самом конце сада, перед подпорной стеной, широкие симметричного развала лестничные ступени падают загадочно вниз – там что-то есть еще, внизу, перед преградой подпорной стены, наверное, так шел склон Военной балки, отсеченный искусственной вертикалью преграды и здесь просились лестничные ступени спуска, теперь веду-

щие во влажную тишину и тайну.

(Этот склон теперь заколочен стеной и оградой, укрыт от солнца. Там сыро и мрачно и тоскливо. Когда-то был он открыт солнцу и ветрам с моря, росла на его склонах густая трава и выглядывали из нее полевые цветы, тяжело и основательно летал очарованный шмель... Как хочется сбросить всю эту каменную, навязанную на столетие тяжесть, расправить занемевшие члены, вздохнуть и надышаться, подставив тело ласковому солнцу и соленому от моря ветру, зазеленеть!..).

В 1896-1897 годах к дворцу была пристроена картинная галерея, которую проектировали Ф. Фельнер и Г. Гельмер, а строил Г.К. Шеврембрант. Там торжественные марши лестницы ведут к выставочному залу с верхним светом. Окна громадны, в «рост» зала, в рамах из полированного дерева с резными гербами. В медальонах профили великих художников. Фасад галереи, как и части барочного интерьера, выполнены из бетона, подкрашенного красителями, что создает полную иллюзию гранита и мрамора. Так что яркие фризы и тяжелая голова печального семитского льва над въездными воротами – это просто бетон,

но, надо полагать, искусство так надежно делать бетон затем было утрачено...

(Замечали ли вы, что в лице нами придуманных львов есть что-то семитическое? Уж не знаю почему, возможно наши предки никогда не видели настоящих, но что же они тогда брали моделью? Вот и в Москве, на Тверском, влезши на каменные пилоны ограды Аглицкого клуба, сидят такие же львы, с вечным удивлением на упитанных своих мордах... И в Петергофе опять же они очень похожи, как братья, Самсон, схвативший за щеки Льва и смеющийся ответно Лев посреди фонтана. У нас в Городе их пропасть, с удивленными или смеющимися мордами, с кольцами и без, но сразу и несомненно ясно – семиты в Городе! Ну, никто особенно и не сомневался... И ровно столько, как было в Городе семитов, столько им соответствовало львов. Страшно перечесть. Теперь наши львы осиротели!).

Человек неосторожно вышедший к Сабанееву мосту в тихий утренний час в самом начале лета, в первых солнечных днях неповторимого июня, будет тут же, на первых подсту-

пах к мосту, уловлен ласковыми сетями тишины и покоя и повторит, озаренный внезапно пришедшей истиной:

*«На свете счастья нет,
Но есть покой и воля ...»*

Утром на этом мосту хорошо отдыхать и думать о близких и далеких людях, идя не торопясь, укрываясь в густой тени чумаков, укоренившихся внизу, у самых устоев моста, прохладным вечером хорошо здесь любить и быть любимым, ощущая ласковый ветерок с моря, (наш мост хорош уже и тем, что под ним никогда не уходит вода и поэтому с ней не может уйти любовь), слепящим и яростным полднем идти здесь надо стремительно быстро, полностью отдавшись суете и злобе дня. Это правило и нарушать его опасно!

Если, проходя Сабанеевым мостом, взглянуть в сторону моря, то прямо над «тещиным» возвышаются три парусные мачты со свернутыми парусами – чуть покачиваются мачты на низкой волне, стоит отдать якоря и уплывет «тещин» мост...

ПАССАЖ

«Пассаж» Менделевича – это были 44 элитных магазина. Снаружи он опоясан меандровым пояском. Окна и балконы легко несут юные улыбающиеся ангелочки и взрослые пары и еще неведомые мне крылатые существа с великолепным женским бюстом. Такие перепончатые жесткие крылья и такой нежности грудь – может быть и не странно! Пассаж многошумен, но не тем человеческим мусором шума, сродни загрязнению пространства, но шумом вечности – красоты, нежных взмахов ангельских и драконьих крыльев, ласкового шепота, отраженного многократно от стен, эха прошедших времен и грозящих впереди лет. Анфилада его галерей многоцветна, она накрыта материей неба и несет в себе праздник всегда внезапный вошедшему, как незаслуженный поцелуй любви, как поцелуй ребенка. И вошедший долго стоит в изумлении – с высоты, отражаясь от многофигурных стен, льется золотым дождем, переливаясь и вливаясь в самую душу веселый детский смех.

Второе столетие льется на нас с высоты

этот свет, даруя утешение и отраду, надежду и радость, вопреки всему, что мы делали, всем страхам и ужасам прошедшего времени, всем нашим глупостям и ошибкам. Боязливые тени горожан сменялись здесь уверенным шагом военных сапог в Первую и во Вторую и в Гражданскую войны, и во все страшные времена безвременья нашей души. В этих временах мы выработали привычку говорить шепотом, чтобы никого не потревожить, и это не всегда помогало. Под этими небесного цвета и голубины фонарями, в гостиничных номерах, останавливались боязливые писатели и решительные наркомы, вершители судеб и просто доносители, женщина-сексот, предавшая на заклятие мужа, жила здесь, как и многие работники страшного одесского ГПУ. Поколения горожан проходили этими небесными сводами, впервые входя сюда малышами, и веселый топот маленьких ножек отражался от световых фонарей, радуя сердце и смывая с этих вечных стен плесень человеческого мусора и грязи. Это свет, пройдя которым, мы становились чище ...

Проход с Дерибасовской имеет мозаичный потолок и серебристого цвета широкий фриз

– там дети или ангелы, или все они вместе что-то несут, передавая друг другу. Вечерами ярко горели на входе и в галереях Пассажа лампы, сияли в ночном пространстве видимые с небесных высот прозрачные его фонари-перекрытия и привлеченные их манящим светом слетались ангелы, как бабочки к огоньку подсмотреть наших дедушек и бабушек, тогда молодых и красивых. Теперь остались только опустевшие на столетие подвесные крюки. Естественным образом и, соответственно времени нашей жизни, сегодня в пространстве Пассажа устроен грязный и оскорбительный рынок...

На углу Колодезного была гостиница «Франция», а между нею и Пассажем, в доме Бродского, табачный магазин Иосифа Эгиза (турецкий табак и папиросы). От входа во «Францию» остался только козырек навеса и глухо заколоченная дверь. Магазин же теперь роскошно отделан, престижен и сияет светом. Вот только очаровательный карниз обвалился и вместо ремонта под ним установили противообвальный навес. Но по-прежнему чеканен ритм 5-ти узких сопряженных арочных окон. Когда-то на стенах этого дома кариати-

ды со сложенными на груди руками несли на голове восхитительной полноты чаши. Теперь чаши повисли в воздухе – не стало кариагид.

Не знаю, когда их не стало, но знаю как это случилось – то что упало на тротуар был мусор, кусочки камней и глины, сами же они расправили крылья и упорхнули, поняв, что новым жителям они уже не нужны. Наступает такой день, или ночь, когда с тихим шелестом крыльев они нас покидают навсегда. И, придя утром, в недоумении морщишь бровь, чего-то не стало и долго понять не можешь, ты ведь не часто их замечал при жизни, и теперь чувствуешь странную образовавшуюся пустоту. Когда то их было множество, атлантов и кариагид, крылатых драконов и грифонов и другого всякого зверья, жившего здесь с нами всегда, теперь все больше пустые стены нас окружают и лишь незнающий уже, как это было, глаз отмечает странную пустоту несоответствий в окружающем нас теперь пространстве. Наверное, им скучно с нами, теперешними, или возникает у них заслуженная обида – им необходимо, чтобы мы ими интересовались, иногда приветствовали или ласка-

ли взглядом. Это надо любой живой твари, тебе и мне, и им!

Я сегодня стоял перед этим домом, рассматривая кариатид из-за крыши навеса. Но что-то беспокоило меня и, присмотревшись, я увидел: – на прилежащей стене Пассажа висело странное существо, служащее здесь сверх столетия балконной подпоркой, – это его взгляд с высоты второго этажа требовал ответного моего взгляда. Мы долго смотрели в глаза друг другу – ему пришлось чуть скосить глаза, обычно устремленные прямо, в безучастное никуда. Он старше меня лет на пятьдесят и видел моих деда и отца на этом тротуаре. И меня помнит маленьким мальчиком и подростком и юношей. Пятьдесят последних лет бесчисленно я ходил мимо и вот впервые случайно поднял глаза и мы встретились взглядом. И впервые рассмотрели друг друга – он очень странен телом, но лицо у него уставшего человека, утомленного долгой жизнью. Он привычно скалит в улыбке зубы, но в глазах у него печаль. Бог мой, такая печаль непереносима! Такие лица у многих моих друзей, и еще у кого-то очень мне знакомого, его имени я не

знаю, все не решаясь спросить – но вижу так часто, так близко – может быть это я сам, бредущий каждое утро, и это у меня такая печаль в глазах!?

ДОМ ЛИБМАНА

Дом Либмана на углу Преображенской и Садовой, по-честному, принадлежит Дерibasовской (я не ошибся в психологической своей оценке – адрес на дореволюционной афишке звучит так: «Кондитерская Б. Либмана, угол Дерibasовской и Преображенской улиц, против Соборной площади в собственном доме»). Его проектировал одессит, немец Э. Мэснер, для одессита и немца Макса Либмана. В первом угловом этаже была кондитерская («кондитерское, конфектное и булочное заведение»), с лучшей в Городе французской сдобной булочкой там можно было выпить утренний кофе. (Маленькая, белого фарфора и саксонской его тонкости чашечка, темная глубина кофейного омута со светлокоричневым ободком по краю, раскаленной температуры, как легко она помещается в ладонях, как согревает душу, как опасно заглядывать в ды-

мящуюся кофейную глубину...). Крытая тентом и застекленная веранда выходила на Садовую («Прекрасно устроенные помещения с большой верандой и отдельными бильярдными комнатами. Освещение везде электрическое»). По сторонам углового входа, удерживаясь кончиком чешуйчатого хвоста о стены, крылатые девушки, то ли русалки, то ли наяды, то ли нимфы, но возможно, что и сирены, столетие бессменно несут в высоко вскинутых руках световые шары. Бог с ним, с их именами, но такие руки, такой нежности очертаний, такой хрупкости. Ах, и мне светили они в давно прошедших ночах, и свет их и сегодня согревает мне душу! В высоте над Городом парит невесомый двухэтажный угловой эркер, воткнут в небо шпиль с флюгером, и какие-то одинокие в конец женщины смотрят с опасной крутизны карниза во все стороны света, кого-то высматривая, чему-то упрямо веря, что придет и наступит...

На открытке начала века виден этот угол дома Либмана, часть кофейной веранды, обставленной деревцами в кадках, извозчик, ожидающий седока, (у смирной хорошенькой лошадки ножки в беленьких «носочках»), те

же крылатые девушки, только они моложе, а в основании полуколонок у входа те же упитанные ангелочки. И много на этом перекрестке людей, этот угол всегда был оживлен людьми, как и сегодня. Так все знакомо на этом старом снимке, – вот выбежать сейчас с собакой и через десять минут на них посмотреть, заговорить, взять за руку, сесть в пролетку, сказать: «На Пушкинскую», шагом, не торопясь, – и под трудолюбивый перестук копыт въехать в это неведомую жизнь, притворяясь своим, всматриваясь «из-за плеч», пытаюсь в толпе отыскать уцелевшие знакомые лица...

Таким ясным солнечным утром наверняка кого-нибудь встречу, давно не виденного, тормозну пролетку, перекинусь несколькими словами, как работа, как дети. И на прощание мы скажем друг другу: «Увидимся!..».

Сейчас, гуляя с собакой, поздно ночью, я увидел фигуру женщины на крыше дома Либмана. Она стояла там на самом козырьке крыши, еще придерживаясь рукой за боковину углового купола и готовилась броситься вниз со страшной высоты дома. Она так отчетливо видна была на фоне прозрачно-синего ночного неба, читались даже самые мелкие складки

ее длинного платья, колеблемого ночным ветерком, который там, на крыше, был, конечно, сильнее, чем внизу улицы. У меня горло перехватило и не стало воздуха закричать, остановить ее. И, когда спазм отпустил, я опомнился, – она была каменной и вот уже столетие там стояла, глядя с высоты на Город, каждый день на каждого из нас, бегущего муравьем вдоль улиц, утром туда, вечером обратно, зачем, к чему этот бег... И я отдышался, постоял на этом углу Соборной площади, повернул и по Преображенской пошел домой, мимо дома Папудова, мимо дворца офицеров, вдоль Спиридоновской.

Следующий за домом Либмана по Садовой, на самом ее развороте, под номером 21-м, дом, открытый лицом к Соборной площади, как птица с раскинутыми крыльями, охранительно. Это печальная птица, поставленная здесь символом защиты. Оперенье ее утрачено во многих местах, обрушены слои богатой когда-то лепнины, перекошены грозящие упасть балконы, гордо и печально нахохлилась ее голова. Но по-прежнему широко и сильно распахнуты крылья, выставлена вперед под

разрушающий удар судьбы гордая грудь, бойцовски расправлено оперенье симметричных колонн. На самом деле это только кажется домом, это символ и знак, это охранная птица, поставленная здесь строителями Города против нас, наследников, утративших родство. Птица, «стерегущая дом», и по фризу первого этажа течет бесконечный меандр. Этим меандром опоясан весь Город, он течет по стенам наших домов, перебегает кованной строчкой по решеткам балконов, спускается к оградкам ворот, как охранительный пояс, как знак верности и надежды.

Масса всякого народа привольно разлеглась на стенах этого громадного дома: юноши и девушки, по-летнему разбросав одежды, закинув руку за голову или ногу за ногу, свешиваются с карнизов над овалами окон и с любопытством рассматривают прохожих, веселые пухленькие ангелочки, каждый по своему, разместились на колоннах и арках (так привольно и прихотливо лежат они, будто ногами меняют позу, выбирая удобную). Одни лежат на спинке, другие на животике, а, подняв голову, я увидел, как с самого высокого этажа ангелок смотрит на меня, наклонив куд-

ри, смеясь чему то и мне удивляясь). Я боюсь за них, так ненадежны стали эти карнизы, так многое уже обрушилось вниз и разбилось в щепы! На почтовой открытке 1908 года виден этот же дом, и на четвертом его этаже, на легком прозрачном балконе люди, три человека сидят за маленьким столиком, говорят о чем-то, смотрят на Город, не боятся упасть заодно с балконом. Так странно и непривычно!

В этом доме, в правом его крыле, на первом этаже расположена знаменитая аптека Гаевского. Самая большая в Городе, традиционно дежурящая в ночи. Как памятна она каждому из нас. Сколько раз, уже глубокой ночью, мы добирались сюда, думая о близких нам людях, в поиске лекарств и утешения хоть каким-нибудь делом, потому что ничем другим помочь уже не могли. Мы шли к ней, на ее горящие в ночи огни больших окон, к ее входным дверям, закрытым ночью, с бессонным окошком на выдаче. Тихо и хриловато звучали голоса у этих ночных дверей, заказывая и получая лекарства (звуками неведомого пароля звучали наши голоса, надежда и сочувствие сближали всех, пришедших так поздно ночью к этим дверям), и потом наши шаги пе-

ресекали Садовую и торопились домой по ночным улицам Города, туда, где также всю ночь не спали близкие и горел огонек заботы и беспокойства.

И бывал такой поздний час, когда я шел с Молдаванки сюда пешком, в оба конца. И оборачивался быстро – в те годы у меня были быстрые легкие ноги и гнала их вперед обеспокоенность сердца.

Дерибасовская улица

УЛИЦЫ И ПЛОЩАДИ

Попасть в ресторан, особенно под праздники, в Городе моей молодости было проблемой. Ресторанов было немного и мест в них всегда не хватало. Классикой в Одессе были рестораны «Лондонской» и «Красной» гостиниц, но они всегда были переполнены; кроме них были «Кавказ» на Гаванной и «Киев» на Александровском проспекте и еще крыша морского вокзала. Стоило в предпраздничный день пройтись в поисках мест и в каждом из этих ресторанов все было плотно занято, но зато везде сидели друзья. За них можно было зацепиться, приставив два стула к плотно заставленному стульями столику. А всего то нужно нам было в те годы клочок места для тарелки и рюмки. Гремела музыка, весь зал танцевал, и места тебе в этом танце всегда хватало. Ввинтившись в толпу танцующих, ты узнавал в ней знакомых, обнимал их на ходу и в танце знакомился со знакомыми знакомых. Легки

были ноги, пьянило легкое вино, весело и легко было на сердце.

Теперь в Городе проблем с ресторанными местами нет. На любой улице центра ты найдешь десяток ресторанов разного качества и в них большей частью пустые залы. И стало понятно, что лучшее в ресторанных залах нашей молодости была наша молодость и лица друзей.

Бары, Кафе и Бистро различаются только месторасположением и названием. Они «во всем остальном равны». Большая часть так и живут безымянно, но многие уже с именами. На Садовой угол Дворянской – «Последний грош». А есть еще – «Место встречи изменить нельзя», «Мы вас ждем...», «Отдохни, тебе это надо...», «Печки-лавочки», Бар с караоке «Пойте и пейте с нами». В Городе теперь есть Таверны, Трактиры, Погребки, Харчевни, Шинки, но нет Бодег.

«Есть люди, умеющие пить водку, и есть люди, не умеющие пить водку, но все же пьющие ее. И вот первые получают удовольствие

от горя и от радости, а вторые страдают за всех тех, кто пьет водку, не умея пить ее»

Исаак Бабель. «Как это делалось в Одессе»

В любом из питейных заведений, расположенных всегда на первом этаже, «там, где чисто, светло», один зал, против входа стойка. Набор строг и однообразен: два-три сорта водки, столько же коньяку, вина практически не бывает (пьют в баре вино у нас только большие мужчины), горячие и холодные бутерброды (у нас не говорят «сэндвич», но «бутерброд»), и однажды в маленьком немецком городке я ожегся – я заказал бутерброд, выговорив именно так свой заказ в английской фразе, и получил, через длительные и непростые, видимо, совещания официантов, булочку, разрезанную вдоль и намазанную маслом, а хотелось мне с колбасой и сыром, или рыбкой, я видел, у других немцев там это было, увы, горек хлеб чужбины и круты там лестницы!). В лучших есть еще возможность заказать что-то из горячих блюд – вареники, или сосиски в антураже... Можно хороший борщ...

Но есть именины сердца – вареники с вишнями!

Вообще цивилизованная жизнь. На каждые десять метров любой улицы центра (с отдалением от центра это расстояние растёт, нигде, впрочем, никогда не превышая полуквартала) есть такое местечко, где в любое время, от девяти и до девяти, вспомним незабвенного Веничку Ерофеева: «О, эфимерность! О, самое бессильное и позорное время в жизни моего народа – время от рассвета до открытия магазинов! Сколько лишних седин оно вплело во всех нас, в бездомных и тоскующих шатенов!» – вы получите утреннюю для поправки здоровья, или полуденную, заработанную тяжким трудом, или в вечерней уже прохладе свою рюмку водки, или ночью, уже во второй ее печальной половине, в час между волком и собакой, живую воду раздумий и сокрушений. Ближе к волку – больше мудрости и печали, ближе к собаке – надежд и терпения!

Например, на участке Пантелеймоновской, что тянется оппозит Привоза, в его длину, я насчитал 29 баров и мест, где можно употребить немедленно и всегда (есть без назва-

ния, а просто и доступно, большими аршинными буквами написано: «Пиво, Вино, Водка») и три секс-шопа. Но есть и новости – на каждые пять баров в среднем приходится один компьютерный магазин...

У нас заказывают напитки в граммах, используя европейскую метрическую систему. Благодаря Наполеону Бонапарту. Безошибочно поэтому зная, сколько это будет, в расчете, сколько тебе сейчас надо, сколько просит душа. И говорят: «пятьдесят граммов», но чаще «сто», чтобы определить минимум сразу и не мельтешить перед стойкой бара, по мелочам беспокоя человека. И никто не станет удивляться, что мол «в такую рань, такую дрянь», но наоборот, бармен проявит сердечное понимание, особенно в ранний утренний час, когда горят тормоза, когда надо раскрыть глаза, а они узкие, как наследие татаро-монгольского нескончаемого ига, и трудно определить, где ты, даже не вчера вечером и с кем и что там было, но сейчас, где ты, и только имя родного бара ты еще помнишь и к нему идешь, как Гаттерас, отклоняемый магнитной стрелкой к северу. Это вы попробуйте где-нибудь в провинциальной глуши, германской

или голландской, такое и в такое время! Для начала вы искать это место будете пол-города пройдя, и, когда найдете, выбивать из полноватой молодой немки эти свои необходимые для оздоровления сто граммов будете по частям и унижаясь. Вам понадобится две двойных водки, и это будет – ровно половина. Смотреть она, немка, будет на вас как на конченного человека, нехорошо. И какая же, спросим себя, при таких условиях, может произтечь польза от водки? Пойдет ли она вам «во благо», как говаривал Веничка...

То ли дело на родине!

Входите вы, и видите, что вам здесь рады. Во-первых, бармен встретит вас широкой улыбкой, но и посетители окинут благожелательным взглядом, сразу видно, что приличный человек – зашел выпить! Даже кот, толстая мордатая и наглая тварь, развалившаяся на стойке бара, даже и он...

Коты в наших барах основательны и серьезные. Такой кот, гордость, достояние и украшение бара, он ни на какие «кис-кис-кис» не реагирует, слов таких не понимая напрочь, и ваша колбаска ему... Кот всегда соответствует бару, и не бывает одинаковых котов в раз-

ных барах. Дело даже не в цвете и не в размерах. «Последний грош» держит зеленоглазый белый с парадными усами маршала Буденного кот именем Абрам (у него даже и галифе есть, это красота мужчины, но теперь в век утраты человеческих ценностей, пропала эта красота и остались одинаково скроенные на всех штаны...). Некоторые угодливые клиенты ласково зовут его Абраша, пытаются почесать за ушком. Конечно, это неправильно называть котов человеческими именами, когда есть национальное русское для котов имя – Васька. Но этому имя идет. Иногда, завидя моего пса, с которым дружит, он спрыгивает со стойки, и я всегда поражаюсь мягкости приземления этой громадной туши, идет к Денику и они ритуально нюхаются, носик к носику, уважительно. То, как пластично он идет, вовлекая в свою походку все окружающее пространство и все предметы, до этого лишённые жизни, разве что Майя Плисецкая так умела в лучшие свои времена...

Водка национальный напиток. И как каждое такое явление, из самых-самых сокровенных в земном бытии, она не есть просто алко-

голь, – это философия и религия, соседствующая с верой!

Пища – для поддержания тела, водка – для сохранения души!

Ром, коньяк, виски, текила, ракия, шнапс и даже чача, как варианты не отмытого самогона – нам ничто человеческое не чуждо, но это... Оно приходит к нам с материнским молоком, с первыми в жизни стихами Пушкина:

«Кум Иван, как пить мы станем...»

Какая основательность образа, это вам не зайти выпить, это процесс, по определению, серьезный, длительный, основательный...

А это уже Денис Давыдов, о «повреждении гусарских нравов» («Где друзья минувших лет. /Где гусары коренные,/Председатели бесед,/Собутыльники седые?»)»

*«Говорят умней они...
Но что слышим от любого?
Жомини да Жомини!
А об водке – ни полслова!»*

И вот и незабвенный Козьма Прутков с «Военными афоризмами» (для гг. штаб- и обер-офицеров, с применением к понятиям и нижних чинов):

*«Два голубя как два родные брата жили,
А есть ли у тебя с наливкою бутылки?»*

К этому дано и примечание командира полка: *«Довольно остро»*.

Толстой пил водку и любил, чтобы его любимые герои ее пили, например, в «Войне и мире», Пьер Безухов, в послепожарной, пропахшей гарью Москве, в гостях у княжны Марьи Болконской, в ее не сгоревшем доме на Воздвиженке, в разговоре о перенесенных бедствиях войны, за ночным ужином с нею и с Наташей Ростовой: «Пьер развернул холодную салфетку и, решившись прервать молчание, взглянул на Наташу и княжну Марью. Обе очевидно в то же время решились на то же: у обеих в глазах светилось довольство жизнью и признание того, что кроме горя, есть и радости.

– Вы пьете водку, граф? – спросила княжна Марья, – и эти слова вдруг разогнали тени прошлого».

И вся русская литература уважала водку, Куприн, например. Или Юрий Олеша – «пьяный и растерявший свои метафоры писатель, которого чуть не сбила с ног бежавшая мимо мышь», какой сучий сын это злобно выдумал, пил он серьезно, но никогда не терял метафор и даже в самые худшие свои дни он имел их больше, чем весь союз борзописцев! Он их не выдумывал, они были его сутью. И историю эту он сам о себе весело придумал, как пробежала мимо него, возвращающегося навеселе в гостиницу, испуганная людьми крыса, и он, оступившись, упал, а уже в номере «Европейской» он рассмотрел пятнышко от ее лапки на своей штанине. Она, крыса, его неосторожно толкнула! Так мог выдумать Гофман, или Гоголь, и мало кому дано так весело выдумать. Или, возьмем Некрасова:

*«Зимой играл в картишки
В уездном городишке,
А летом жил на воле,*

*Травил зайчишек груды
И умер пьяный в поле
От водки и простуды»*

Какая красивая жизнь! Как интересно прожитая – несется на тебя в сумасшедшем разбеге поле, с травами, ухабами, пригорками – в них выбирает дорогу лошадь, сама, а по бокам и впереди несется свора охотничьих псов, а заяц серо-белым комком мелькает пока впереди, и ничего не помнишь, только азарт погони, только одно яростное желание догнать, только слитый воедино азартом хрип лошади, бешенный гон и лай собак и твой собственный нескончаемый крик! И ветер степи, со всеми ее запахами и дыханием, наполнивший до отказа твою грудь. И вы серьезно полагаете, что прожив скучную до отвращения жизнь, умереть в уютной постели, пропитанной запахом врачей и лекарств и с клистирной трубкой в зад, это намного лучше!?

А живопись русская, помните великого Федотова и его «Анкор, еще анкор!». Одному у нас пить не стоит!

Не говоря уже о новых временах, о Викторе Некрасове, Сергее Довлатове, о Веничке

Ерофееве, обо мне лично, о нас с вами!

От чего пьем? – От великого стремления к совершенству:

«В мире столько прекрасных книг! Я, например, пью месяц, пью другой, а потом возьму и прочитаю какую-нибудь книжку, и так хороша покажется мне эта книжка, и так дурен кажусь я сам себе, что я совсем расстраиваюсь и не могу читать, бросаю книжку и начинаю пить, пью месяц, пью другой, а потом ...»

Как же, при такой классике и традициях отцов-прадедов нам не любить водку?

Осень, ветер с моря, вьедливый морозящий и вездесущий дождь, туман съел все три верхних этажа колокольни (и вдруг откуда-то с неба приходит бой часов, как шаги командора, глухо, простужено и тяжело), крыши и бока машин, глянцевые от воды, как баклажаны, а оконные дворники только размазывают воду по стеклам. Деревья вдоль улицы опустили покорно свои ветви и вывесили мокро-желтые листья, как флаги о покорности времени и судьбе, о сдаче позиций (и только мой красавец платан на углу Дегтярной и Спи-

ридоновской, накрывший собой весь перекресток, ветви держит высоко и упруго, как ребра тяжелого бронзового канделябра, как древнееврейский семисвечник во враждебных руках римских легионеров Тита, и листья у него еще полны жизни, он их сбросит, но сам, на этих днях, когда выглянет солнце и все согрет, вот тогда, только сам, без принуждения и покорности, как остальные, а акация уже стоит голенькая и упакованная к зимним снегам и метелям, она всегда это делает незаметно, вне чужих любопытных глаз, тихо приходит ее листва поздней весной и раньше всех уходит). Все мокрое, обувь и даже носки, зонтик, наклонившись, окатывает вторичным дождем, плащ отяжелел от воды, и по лицу бегут дождевые капли, как детские неосушенные слезы. Стрелки уличных часов так намокли и отяжелели, что начали отставать – у времени есть поправка на дождь, и в дожде оно идет медленнее, разве вы этого не замечали?

Толкнуть дверь кафе, войти в светлый и теплый уют, в угол упереть зонтик, на вешалку одеть плащ, сесть к столу – к рюмке водки, или коньяка, лицом к окну, к людям, бегущим мимо, нахохлившимся и оцетинившимися зон-

тами против дождевого ветра, к проходящим машинам, щедро поливающим тротуар и прохожих веером брызг, к мокрому голубю, цепко топающему по жести подоконника и заглядывающему в кафе. Белая скатерть – белая рюмочка – белый напиток, белое на белом, а черного нам не надо!

Уже глухая осень, а на днях может прийти снег, даже и сегодня, если чуть похолодает. Тогда станут кувыркаться радостно снежинки, еще мокрые, еще не вполне ставшие снегом, и таять, и вдруг задует пеленой снега, а в нем образуются смерчи. И все будет таким же вокруг, холодным и мокрым, но веселым. На Пастера еще кружатся мелкие неуверенные в себе снежинки, они петляют и спотыкаются в море дождевых капель, а повернув за угол, на Садовую, видишь уже только снег, и это уже снежная вата, крупная, танцующая в воздухе, неторопливо висящая в нем, как бы нанизаны эти снежинки на ниточки в праздник, развешены и идти можно только их раздвигая, проходя между. И все вокруг забросаны снегом, воротник и шапка и вся передняя часть пальто, и ресницы, и все улыбаются друг другу, даже и незнакомые вовсе...

У нас в Городе идет снег...

Водка это дружеский и коллективный напиток, и он требует душевного единения сторон. В этом деле самое главное – с кем!?! Это великая тайна, почему с одним можно выпить раз-другой, с большинством – никогда вообще, но лишь с некоторыми можно и хочется выпить всегда. С годами это малое число избранных все уменьшается. Одних уж нет, те далече, а новые в нашу жизнь уже больше не приходят. С кем можно сесть и выпить, – это, как и с браками, – здесь все решают на небесах!

Советская власть разумно лимитировала все для своих граждан, – воздух, которым разрешалось, «снисходя к нашим слабостям», дышать, проверяя, каким это воздухом мы дышим («а как узнают, каким воздухом мы дышим / сказал с кошелкою соседский Петька...»), прически и ширину брюк, и, конечно же, все названия для всего – для магазинов, для ресторанов и для водки. Было всего ничего: «Столичная» с видом родной гостиницы «Москва» в Охотном ряду, «Русская», «Московская», позже появилась «Пшеничная». Все это было одинакового и неплохого качества,

поскольку это была «казенка», как говаривали встарь, то есть государственная водка. И название поэтому было с государственным подтекстом. Еще говорили «монополька» и так называли соответствующий дореволюционный магазин. Редки были позднего уже времени изыски, например «Золотое кольцо». Как уже горестно отмечал Веничка, лимитировалось и время продажи. Только бакалейные отделы больших продуктовых магазинов торговали тогда водкой. И кроме нее был всегда в продаже неплохой коньяк, например в три звездочки, армянский, не дороже этой водки и отличного, навсегда позабытого теперь качества. И масса хороших грузинских вин, тоже недорогих и настоящих, в отличие от дорогостоящей и облепленной множеством наклеек непотребной бурды сегодняшнего дня, под старыми марками.

Сегодня водка вездесуща. В больших и малых продуктовых, во всех без исключения ларьках и уличных будках (таких будок есть по одной-две на каждом перекрестке и еще несколько по длине квартала), круглосуточно, в магазинах детского и диетического питания и в кондитерских магазинах, на разлив

и на вынос, на каждом из наших базарах есть ряд таких магазинов. В хлебном может закончиться хлеб, но это...

Все хорошие водки похожи друг на друга, каждая плохая водка, плоха по-своему. Плохих подавляющее большинство, поскольку масса подпольных цехов гонит водку из чего придется, разливая ее в бутылки от лучших сортов, неотличимо ни в чем. Они, экономя на качестве, не жалеют денег на обертку. И часто так бывает, что какая-нибудь типография получает сразу два больших заказа на одну и ту же водочную наклейку, но от разных совершенно заказчиков. Мы покупаем водку прямо в фирменных магазинах, так надежнее. В пивнушки для «синюшных» сограждан водка поступает без всяких прикрас, по цене ниже очищенной воды.

Магазин на углу Александровского проспекта и Привоза «Продуктовые товары» и расшифровка крупно на щите: Одесский Ликеро-Водочный, Одесский Коньячный и Одесский Винзавод, и действительно, в магазине только это и кроме водки никаких иных продуктов.

Ресторан-бар «Корвин» – только у них сегодня вечером, эксклюзивно, – лауреаты международного фестиваля в Эстонии – «Рома и К^о»!

Фирма ООО «Муза» – «Горилочные напитки», – что это такое?

На уличных углах вечерами теперь стоят столики (так, что пройти невозможно, и приходится обходить краем тротуара), горят над ними лампы и сидят люди, группами знакомых, семьями, и пока сидят, открыто Кафе или Бар, а ночи у нас теплые и такие прелестные летние наши ночи, как же встать и уйти, «там чисто, светло» и уютно, там все рады друг другу, все уважительны – как когда-то в моей бане на Комитетской по выходным банным дням. И так все практически перекрестки, но и просто на середине квартала – у нас такие широкие тротуары, а над этими столиками, над оазисом ночного света и смеха полог зелени – кроны деревьев, в любом месте у нас есть широкий тротуар под сенью деревьев. Там всегда утренняя прохлада, там полуденный ветерок колышет ветви и листья, там ночью становится оазис света под мощной сенью деревьев. А ветви листьев свешиваются к голо-

вам клиентов, иногда касаясь разгоряченных лиц или щекоча за ухом. Но я не помню случая, чтобы кто-то надломил мешающую ему ветку...

Это ночное кафе мог бы нарисовать Ван-Гог, подарил бы заведению и имел бы здесь бесплатный стол с пивом...

Жовто-блакитний крап – патріотична назва “Напої України” – одна водяра!

Но у Привоза объявление на магазинном заплеванном стекле: «Водка Русская 1грн. – 100 грм.», то есть меньше 20-ти центов, – это поистине ужасно!

Кафе-Бар «Косо-Бланка». Главное – содержание, а насчет правильности формы, то матушка Митрофанушки верно говорила насчет извозчиков, что вполне заменяют они надобность в знании географии...

Бар «Ташкент» у Привоза – надпись мелом, крупно, на глухой сейфовой и распахнутой настежь двери («с девочками», маленькими буквами в нижнем углу, вроде бы шутка, но за первым от дверей столиком действительно сидят для чего то девочки и застенчиво улыбаются заглядывающим прохожим) – это для сильных духом!

«Скороежка», это ведь буквальный перевод «Fast food»...

«Пирожковый мир»...

Продовольственный магазин «Вечный зов».

Секс-шопы: «Игрушки для взрослых», «Вам это поможет», «Доктор Казанова» (рядом с «Христианской книгой»), «Интим-Бар», интересно, а что там такое происходит? «Амурные дела» на Канатной.

Свадебные салоны, агентства недвижимости, похоронные конторы, парикмахеры и стоматологи всегда имели и всегда будут иметь клиентов. Масса в Городе свадебных салонов, иногда по несколько штук на квартале. На Канатной их штук двадцать, на все и всякие вкусы: «Илона», «ЄЛІТ», «Камилла», «Золушка» и, наконец, «Виктория», что очень верно по сути этого дела! Во всех витринных окнах свадебные платья, как бабочки, спрятавшиеся за стеклом. Однодневки. Но свадебный салон «Любой каприз» – несколько легкомысленно...

Но реклама срочной распродажи на похо-

ронной конторе, что на Греческой улице, это как-то даже странно, согласитесь. Что случилось, – нехватка клиентов? Этот адрес печально знаком каждому из нас.

Гробы стоят красавцы, в лучших породах дерева, лакированные и полированные, твердоограненные, как бриллиант, сияющие бронзой ручек, с откидными, как рояль, крышками. Такому гробу, как и роялю, положено иметь имя фирмы и мастера на табличке. Коллекционные изделия! Гилельсу какому-нибудь уместно подходить к такому изделию, оправляя на ходу фалды фрака (вот только сейчас уяснил, фамилия у Эмиля Гилельса, видимо, связана с именем великого Гиллеля!). Недавно на похоронах одного знакомого, вышедшего в люди, богатого, но надорвавшегося в этой борьбе «за металл», как водится, собралась масса давно не видавших друг друга людей, это ведь повод увидеться и поговорить, сохраняя вид скорби и радуясь, что вот он – так, а вот я – еще вполне вертикален. Помните «Смерть Ивана Ильича»? Стояли кучками, переходили от одной к другой, скорбно пожимали руки и тут же начинали говорить, и говорили-говорили обо всем, накопившемся

за время с похорон предыдущих. Странно сказать – вид праздника! А покойник лежал в таком гробу, мореного дуба, с откидной крышкой, со стеклянным окошком, тысячи на четыре баксов тянул этот последний им самому себе сделанный подарок – и все ему завидовали! Вдова гордилась...

И я слышал, что крутые и скорбящие безмерно друзья кладут в гроб покойнику мобильный телефон, и, выпив, звонят...

Напьешься с горя, позвонишь, а там занято...

В дни господства готового платья, поглотившего индивидуальность пошив, в Городе все же есть и сегодня Ателье Мод, где шьют на заказ. Когда-то в дни наших родителей эта система господствовала. Ателье, как ни странно, сохранились, вместе с названиями на старых еще вывесках.

Расположены Ателье Мод в первых этажах зданий, там большие открытые окна и в них допоздна горит свет. Видны женщины за швейными машинками и под самым потолком плечики и вешалки, где рядами висит готовое платье. Жужжат трудолюбивые машинки, кушая нескончаемую ткань полотна, перего-

вариваются женщины. Закройщики, как и встарь, мужчины (женщин этой профессии раньше называли модистками, но это слово пропало). Когда-то это были сплошь евреи. Невысокие, непременно лысые, с матерчатым метром на шее (как упитанный общий любимец домашний кот с бантом), с булавками в зубах и остро отточенным диском мелка в руке. Не знаю, шьют ли там и белье, может быть на специальный заказ, когда-то белошвеек было много, были они красивые и молодые:

«Была белошвейкой и шила гладью...»

Об этом и классики писали, со знанием дела, например, Некрасов о белошвейне на втором этаже Питерского Пассажа на Невском:

*«Не так уж много шили там,
И не в шитье была там сила...»*

Еще были у нас в Городе модистки. Были они молоденькие и стройные необычайно, с улыбкой, которой теперь уже не сыщешь. Вот я молодой и тоже стройный, и удивительно

легкий в походке и взгляде на жизнь, повернув на углу Екатерининской от Ланжероновской, иду к Бульвару, и здесь, у двухэтажного и тогда еще стоящего здания, с крупными буквами надписи «Модистка» по карнизу многоколонного второго этажа, по-русски и по-французски, и по-италиански тоже, вижу стройную веселую девушку сбегаящую по ступенькам куда-то по делу, и повернув за ней, иду Театральной улицей, мимо разных театров, мимо боковой стороны Пале-рояля, мимо увлекательной и обманчивой жизни, и ускоряю шаг, чтобы получше рассмотреть ее улыбку, чуть намеченную уголком живых и упругих губ. А этой гравюре, где нарисовал нас художник, уже сто и пятьдесят с лишним лет...

Такая странная уверенность, что это случилось вчера...

На Греческой в ателье шьют «Бюстгалтеры, Грации и Полуграции». Что это такое и как такое может быть – полуграция?

Масса маленьких очаровательных женских одежных магазинчиков, название и вся реклама или сплошь на французском, или на итальянском, русских теперь нельзя, украинские не гармонируют с товаром, и слов таких

не имеют. В освещенной витрине молодая женщина, сидит в креслах, лежит в постели или стоит на руках, иногда вовсе голая и заинтересовавшись видишь – рекламируется обувь. Или кофточка, невесомая, почти невидимая, сотканная из снов и грез, пауку не соткать такую, куда в ней идти, с кем... Хорошая одежда для женщины самоцель, и, если все же нужен мужчина, то, разве как спонсор. Но теперь есть много молоденьких и красивых и богатых – например, к ночному кафе на Троицкой выпить чашечку кофе и поговорить подкатывают два спортивных «порша» и из каждого возникает фея. Каждая за рулем в своей машине, для тайм-кофе.

...И стоишь потрясенный увиденным, и что-то такое припоминаешь, – ну конечно же, это было, было в чаплиновской старой и немой ленте, стоял там не дыша от восторга бедный человечек в лоснящемся от старости кофточке, проходила мимо, его не видя, красавица. Мой пес также потрясен увиденным и делает полный оборот своим носом – такой за ней шлейф лучших парфюмов мира, да нет, просто на руках у одной из дам собачонка, но

так же ухожена, из «порша» в общем, и он, мой пес, тоже облизывается на это диво. И стоим мы двумя чаплиновскими копиями... увы, не нам, не нам!

Этим вечером я видел бомжа, он рядом с витриной подобрал пустую бутылку, сунул ее в громадный свой мешок, и собирался уже двинуться дальше неровной своей походкой, как вдруг в ярко освещенной витрине он ее увидел, женщину, стоявшую у столика с патефоном, задумчивую, мечтающую под старую музыку, и, подойдя, долго стоял перед этой витриной бомж, поставив звякнувший бутылками мешок у ноги. Они стояли оба на уровне тротуара – так низко начиналась витрина. Он был молод еще, и бездомная жизнь еще не вполне стерла черты его лица, когда-то интересного. Он достал окурок и закурил. Разделенные стеклом и вечностью, они в ночной тишине смотрели друг на друга долго, внимательно, изучающе. Кружилась старая мелодия на пластинке, хрипловатый голос Утесова обольщал и манил любовью. Медленно поднимался дымок сигареты. И таял, как время, отпущенное нам на жизнь...

Мир Парикмахерской (по украински – Перукарня).

Парикмахер – Перукар – Куафер...

Вторая, наряду с «Ателье мод», особая территория нашей жизни. Отстраненная и независимая область души. Все внешнее оставалось за ее дверьми, – печальные реальности сложного времени... Здесь был иной мир – мир обольстительных запахов (в годы моей юности там пахло «шипром с комсомолом»). Часто они имели два зала, мужской и женский, и общий ожидательный зал. Стояли по периметру помещения специальные кресла (только у генералов были еще свои особенные кресла) перед большими зеркалами на стенах, рядом умывальники, и слышался летящий звук быстро щелкающих зубами ножниц (как крылья стрижа, внезапно проносящегося рядом с твоей головой). И этот безостановочный звук вплетался в такую же непрерывную речь. Парикмахер имел еще одну важную профессиональную особенность – он был говорящий.

Много лет меня стриг Яша в парикмахерской на углу Екатерининской площади, и, пока стриг, успевал рассказать обо всей своей и всех родственников жизни, об Израиле, куда

собирался ехать. Соответственно профессии, Яша был лысым. Для парикмахера это полезно, так клиент себя чувствует польщенным, сравнивая оставшиеся, свои. Яша устраивал из обыденного этого дела мистерию-ритуал. Он вначале осматривал меня, изучал с интересом, как бы впервые увидев лысеющего и уже достаточно вытертого жизнью мужчину, потом он мыл мою голову, вне зависимости от ее состояния, даже если я ее вымыл перед самым приходом, потом вытирал и сушил, и, наконец, приведенного в моральный требуемый градус, усаживал меня в кресло и начинал священнодействовать. Я уже к этому моменту вполне проникался важностью происходящего со мной, и пропадала где-то первоначальная суетливая мысль – заскочить и поправить волосы, я знал теперь, что это серьезно...

И это правильно, потому что все вещи в мире имеют только ту цену, которую мы им способны назначить. Ибо все они часть нашей такой скоротечной жизни...

Перед праздниками устанавливались длинные очереди, ожидающие сидели рядом на стульях, заглядывали новые клиенты, о посто-

янных парикмахер всех оповещал, что этот человек занимал очередь еще утром, обычные пристраивались в хвост. Заняв очередь и убедившись, что и за тобой ее заняли, можно было и отлучиться, прикинув время...

Это был выход из будничного пространства, и для нас с парикмахерской всегда и так до сегодня, было связано с праздником...

На старых фотографиях и открытках видно невероятное обилие вывесок, идущих не только по первым, но и по вторым-третьим этажам, просто на окнах домов, например, на третьем этаже на стекле надпись – стоматолог, или венеролог (это значит, что уже время Первой мировой, обострившей интерес к этой нужной профессии). Революция сняла вывески с домов и стен, оставив минимальный и строгий набор советский стандарт: Гастроном, Парикмахерская, Хлеб, Ателье (мод или индпошива), Ресторан, Кафетерий (раньше в Городе это называлось Кофейня). Это очистило и украсило наши дома, открыло первоначальный их вид, как задумал его архитектор. Теперь все стремительно вернулось на старые

места – обилие вывесок, их размеры, смешные и наивные «завлекалки» для клиентов. Вывески поползли вверх, не разместившись на первых этажах, влезли на крыши, повисли над улицами, поднялись на привязанных за ногу воздушных шарах в небо (и ночью пугаешься, увидев внезапно сразу две луны в полнолуние и долго высматриваешь настоящую!), осветились громадными окнами на столбах вдоль дорог, легли на тротуаре, вмурованные в асфальт и освещенные изнутри...

Чем ближе к базарам, тем больше вывесок, тем интереснее они и смешнее, они там живой отголосок кипящей жизни...

Впрочем, так было всегда. Любительские дореволюционные снимки, сделанные в Городе. Район какого-то базара (спиной к снимку очень устойчивая «во весь экран» фигура городского; с «селедкой», саблей, принятой тогда на вооружение в России, фигурой он коренаст и основателен – как памятник Александру III в Питере). Участок улицы метров в двадцать. Два снимка одного и того же места, сделанные с некоторым смещением в пространстве улицы. Половина высоты этих строений занимают двух - трех - и четырехэтажные рек-

ламные щиты вывесок. Над окнами, во всю ширину зданий, в межоконном пространстве, на выносках в пространство улиц, над крышами.

««Пекарня М.Я. Махлиса»; «Типография. Хромо-литография»; что-то продает или делает Питкус; «Литограф»; «Табачная» (лавка); «Живописная (мастерская?) Гольдфарб»; «Дамский портной Бирман» («мужской, женский и дамский портной Абрам Пружинер»); «Русский базар» (что это такое и кто это держал – нет фамилии, неужели же тоже; на полукруглой двери крупными буквами – «Писец» – и указующий направление палец (нет такой больше профессии). И это далеко не все, что можно было прочесть и всего на двух домиках. Много было в Городе предприимчивых евреев. Это мелкие лавочники и ремесленники, но, все же, свое собственное дело!

Сегодня все вновь и очень похоже. Но вместо евреев лица кавказской национальности...

Написано: «Дом кутюр Владлена» и продают там ткани...

Старая, родная и по старому просто написанная вывеска: «Бытовые услуги», ключи там ремонтируют и швейные-стиральные ма-

шины, починяют утюги и примусы, сидят часовщик и холодный сапожник (в такую жару то). А рядом, на свежееотремонтированном здании, вывеска, выраженная одним словом, надо полагать на итальянском, и, надо полагать, это каждому и всем известное слово, поскольку никаких нет к нему расшифровок: «Baldinini», и только перейдя дорогу, видишь, в витрине обувь, но какая обувь! И действительно, «нужны ли тут слова?».

«Плиткин дом», «Салон дверей» и «Дом окон», но есть и «Белый квадрат», облицовка ванн и...

Магазин «Взятка» в Колодезном, и в нем множество красивых и дорогих безделушек – действительно, удобно...

«Мебельман» – не фамилия, но профиль работы – мебельный магазин на Малой Арнаутской для избранных заказчиков с изыском (видимо от «меломан»).

«Атлант», «Атланта» (видимо, женская особь-обитательница легендарной Атлантиды), «Атлантис» – не вполне ясно, что это такое! А содержание под этими вывесками вовсе различное и даже иногда неожиданное, от недвижимости до всякой мелкой подвижности.

Вот нитяной и всяких обрезков материи и змеек магазин для женщин правильно назван «Ариадной».

«Салон по изготовлению установки (!?) камины, лестницы, подоконники и все, что надо». Ну и что с того, что язык не литературный – они дают натуральный материал и качество! А если вам нужна литература, – так читайте себе Толстого и недорого (буквальный ответ на мое им замечание о литературных достоинствах надписи, а насчет недорогого Толстого все верно – прямо у их дверей стоит книжный букинистический ларек и в нем «Война и мир» в полном составе, она в три с половиной раза дешевле томика «Анжелика – маркиза ангелов». Вот бы Льву Николаевичу это показать и затем дать почитать «Анжелику», для сравнения).

Декор-Испания «Дон Кихот», – в витрине красавцы унитазаы. Покойно на них сидеть, как старому рыцарю в седле Росинанта.

«Джоконда» – магазин стиральных и моющих средств на Степовой.

Парикмахерский салон «PROFI» дверь в дверь с булочной «МРІЯ» на Канатной. Чуть

дальше парикмахерская «ЛеДи». Откуда такой прононс?

Похоронное бюро «Универсал» на углу Преображенской и Малой Арнаутской. Верю...

Между ритуальной конторой «Стикс» (симпатичнейшие и видимо начитанные люди держат это бюро путешествий в один конец, и я давно заметил, что близость к чужой смерти, возвышает душу и рождает склонность к раздумьям) и круглосуточным «Секс-шопом», помещается заведение «Шашлыки с Кавказа». Описание земной жизни. Двое в ритуально черном, приказчики от Харона, развязывая на ходу узлы черных галстуков и снимая с лица имидж печали, весело спускаются в подвальныйчик к шашлыкам... Живым – живое!

В углу Второго кладбища, против Красного Креста, теперь есть кафе-бар и у Бара название – «Под сенью гроба», надо бы в очередной раз по дороге на кладбище зайти, посидеть... На этом углу когда-то был рекламный щит кинотеатра и как-то, проезжая мимо, я прочел там о новом фильме – «Никто не хотел умирать». Мистика!

Ну не прав я и поспешен в обличительных выводах об этой молодой поросли, владельцев баров и магазинов, конечно, лица и прически их мне непривычны, и машины эти, самые дорогие в Европе, а к каждой в сопровождение придан мощный, с охраной, джип, но что-то в них все же есть. Например, широкая сеть заведений с игровыми автоматами под цифровым кодом-названием «3, 7, 1», – это ведь «Пиковая дама», старуха графиня и неверный, свихнувшийся на русской почве немец и военный инженер Германн (навсегда оставленный Пушкиным без имени), это ведь ее замогильный голос, глухой и протяжный, когда непослушные губы с трудом растягиваются и выговаривают-выплывают слова – «тройка, – семерка, – туз!». И даже ирония в названии этом для игорного дома заключена, ведь обманула же старая карга на последней карте и свихнулся Германн!

«Он сидит в Обуховской больнице в 17-м номере, не отвечает ни на какие вопросы и бормочет необыкновенно скоро: «Тройка, семерка, туз! Тройка, семерка, дама!...». Пиковая, естественно, дама («пиковая дама озна-

чает тайную недоброжелательность» – гадательная книга).

Вот странность – играя в карты, всякий раз когда открывается дама пик, я вздрагиваю произвольно. Воля ваша, но что-то здесь есть такое... Она, эта карта, одна такая в колоде, она живая и опасна! Рукой, держащей ее, я ощущаю биение страсти...

*«Разыграешься только-только,
А уже из колоды – прыг! –
Не семерка, не туз, не тройка –
Окаянная дама пик!»*

Александр Галич. Песня исхода

Впрочем, «что русскому здорово, то немцу карачун!».

...Дама-дворник, формой и тяжестью нефтяной бочки, в армейской кирзе, с метлой и в некогда желтой фуфайке с надписью на спине крупно «ЖЭК «Ренессанс Ltd». А кто же учил их этому на русской литературе уроках с закатыванием глаз и придыханиями? Получите!

БАЗАРЫ

*«Меня еда арканом окружила,
Она встает эпической угрозой,
И круг ее неразрушим и страшен, ...»*

Эдуард Багрицкий. Встреча

С первоначальных дней и во все протяжении жизни Города, важнейшей его материальной и духовной частью были и остаются поныне многочисленные базары. Греческий, на месте нынешней греческой площади, Старый, на Александровском проспекте, Новый, рядом со Сретенской церковью и, позже возникший, знаменитый Привоз. По всему периметру площади этих базаров окружали, как правило, одно- и двухэтажные торговые здания, с открытыми галереями и сплошной колоннадой высотой в один, либо два этажа. Толстыми и во всю высоту здания были эти колонны, основательные, и в первом этаже за ними зияли двери лабазов, а вдоль второго шла вере-

ница балконов. Остатки их видны на Греческой площади и по всему периметру Нового рынка.

Восточными коврами ручной работы, сотканными из ярких красок и проверенных тысячелетиями орнаментов, лежат на площадях Города наши базары. Для всего западного мира базар – продуктовые ряды, для нас – средоточие и магия жизни. Это наш клуб и поход на базар – праздник и ритуал. Нам базар – как немцу-протестанту воскресное совместное пение в церкви.

В городах всего мира рыночная площадь всегда соседствует с храмом. В Городе так было с Новым и Алексеевским рынками. Жизнь обывателя замыкалась двумя этими местами – для души – храм и для тела – рынок. Они рядом и граница между ними условна. В воскресный день люди, постояв в храме, вновь встречались за его порогом на рыночной площади. Тысячелетие общественная жизнь женщины всецело замыкалась площадью храма и окружающего его рынка. Рынок, поэтому, это не только и не столько место продажи товаров, как магазин, это место и среда общения. В храме обывателя крестили и отпевали.

Жизнь же свою он мог в старые времена завершить тут же, на рыночной площади, где стоял эшафот. И был термин «базарная казнь».

Здесь царит торг. Он ожесточен – обе стороны выгадывают в деньгах. Он добр – им, сторонам, интересно общаться. Вот я стою перед прилавком и вычитываю в записной бумажке, что еще должен купить. Эту бумажку мне помогают расшифровать базарные торговки – им понятна моя семейная жизнь, и они знают, что в бумажке этой записано вовсе не «килограмм синих», а слова любви и тишина семейной жизни. Они в ней, в моей семейной жизни, сейчас с интересом участвуют, помогая выбрать и не забыть. Последнее они уточняют на слух, задавая вопросы: «не записаны ли там помидоры?».

В отличие от магазинов базар честен. Здесь производитель и покупатель встречаются лицом к лицу и уместен торг. Здесь здороваются и купившему говорят: «На здоровье». У нас на базарах не принято обвешивать, как в государственной торговле, наоборот, принято немного «довешивать», – «с походом». Мы всегда доверяли нашим базарам больше, чем

нашему государству.

Базар это страна, здесь нужно знание фарватера, акватории, необходимы компас и карты. Его архипелаги разграничены и нигде не соприкасаются. Они лежат каждый в своих берегах. Пальма не растет на севере, она растет там, где должна расти. И поэтому вы идете за картошкой в картошечные ряды, где нет и не может быть винограда или яблок.

Картофельные ряды. Красок здесь мало, но есть то, чем определяется жизнь – надежность и уверенность. Продают картошку ведрами и в них она стоит на прилавке между продавщицей и покупателем. Стоят три-пять ведер полных картошкой – образцами товара. Она различна размером и ценой. Клубни чистенькие и прозрачно тепла их кожура. Цвет варьирует в широкой гамме, от нежно-бежевого до всех оттенков красного и тогда говорят – американка. Картошка основательна и серьезна. Она эмигрантка и родина ее далеко в горах иных континентов. Есть задумчивые картофельные сорта. Их сердце – в горах.

Надо бы написать историю России, опираясь не на привычные атрибуты ее жизни – войны, захваты, пожары, царе- и братоубийства,

но на основы сдвигов, например, появление картошки и картофельные бунты при Алексее Михайловиче принципиально изменили развитие страны, и именно клубень картошки, а не Петровские реформы изменили Россию и ввели ее в европейский дом. От реформ Петра в этом смысле остался табак, и лица стали голыми, появились индивидуальные черты.

Плотные, глянцевые, надменные и налитые жизненным соком помидоры. Кто назвал этот сорт «микадо»? В зеленых салатных листьях прячутся бронированные тела огурцов и выглядывают из зарослей их крокодильи пупырчатые головы. Их опасно трогать рукой. Циркулем раскинулись ноги кореньев петрушки. Развратница!

В строгом глянцевом блеске баклажана есть верность и ярость Отелло, венецианского мавра. И презрение к плебейскому окружению. Крепка и тверда морковь. Это крепость надежной семьи и скучноватой верности. Нежен и обманчив бурак в груботканной одежде. Надменен богато убранный одедами лук. Пленяют холодной чистотой крепкие капустные головы. Они хрустят и сжимаются. Декантствует цветная капуста.

Глянцевые, короткоствольные перцы, созданные по моделям и краскам Сезанна; пучки редиса с королевской короной из листьев; широкие и сочные скибки кабака – молодая луна, но не девушка – молодая и уверенная в себе женщина. Купи!

Чесночные головки – обоймы чесночных долек; память о Чапаеве (в моченом виде о Шолохове, о «крепком многоствольном затылке»).

Зелень, как специализация: реган (базилик), петрушка, сельдерей, салатный лист. Это язык незнакомого народа, он требует переводчика, знатока. В нем легко заблудиться. Венок из лавровых листьев – память об олимпийских героях и лысине Цезаря.

Ну, хорошо, Цезарь прикрывал лавром свою плешь, а что именно использовали греки на своих статуях для прикрытия ниже лежащей головки – лавр или виноград? Да нет, вспомнил, фиговый лист. Геракл, например, и еще вопрос, как это дело крепилось? И где росло – идешь там осенью, а прямо на тебя слетает фиговый лист...

Цыганка с корзиночкой и там билетики. Непрерывно повторяет: «Боря гадает, Боря

гадает, а вот Боря гадает!». Боря тут же привязан за лапку на корзинке – это желтенький волнистый попугайчик. Он может вытянуть билетик, а на билетике – послание судьбы. Здесь важно, что гадает не цыганка, а именно Боря гадает.

И вдруг вместо длинных прилавков большие в ряд стоящие деревянные бочки с квашеньями. В бочках капуста и ее надо обязательно пробовать, из каждой бочки взять горсть. Она хрустит и наполняет рот свежестью. Хозяйка заботливо наблюдает пробу и предлагает еще из рядом стоящей бочки.

Маринованные огурчики, должны быть невелики размером, одинаковы длиной и упруги телом. Они пахнут водкой в запотевшем от холода графинчике, дружеской неторопливой беседой, доверием. Маринованные красные помидоры – это большая компания и пересуды. ...Маринованный арбуз, как ощущение потери и отсутствие надежды. Как поражение. Маринованные яблочки, как утопленники в реке времени.

Улыбчивые, круглолицые и черноглазые корейки продают острую наструганную морковку, бобы, синие в кусочках, морскую ка-

пусту и массу иных неведомых, но явно вкусных и явно к закуске необходимых вещей. Все это лежит в высоких круглых мисочках...

Связки сушеных грибов – тонкий запах подземелий, тени ночных призраков. Подозрительный шорох. Взгляд исподтишка наблюдательных и осторожных глаз. Висят они головками вниз. Висельники.

Какая сокрушительная аналогия!

Масса соленых грибных разновидностей в банках. Здесь можно попробовать.

В лукошке бритоголовые налитые тяжестью и крепко сбитые близнецы – белые грибы.

Гаврила Державин написал о наших базарах:

*«Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый,
раки красны,
Что смоль, янтарь-икра, и с голубым
пером
Там щука пестрая – прекрасны!»*

И о фруктовых рядах, добавил: «Плоды среди корзин смеются... «. Не всегда и не все – есть застенчиво улыбающиеся. И грубияны:

*«Там яблочк румяные кулаки
Вылазят вон из корзин;
Там ядра апельсинов полны
Взрывчатой кислотой».*

Эдуард Багрицкий. Ночь

И хозяйка этих плодов стоит здесь же, это плоды с ее деревьев (в роскошных супермаркетах плоды эти происхождением неизвестны, их красота безымянна). Сексуальны груши, плотоядны персики (перс, перси и персик – нет ли связи?), серьезные яблоки. В море черешен ощутимы строгие ряды круглоголовых пехотинцев, они берут количеством и форма у них красна до черноты. Головные уборы с плюмажем – покачиваются кивера гвардии. Романтическая клубника тает на прилавках у продавщиц и умирает на глазах от неразделенной любви. Молодая вдова в соку. (Вдовы не бывают пугливыми!).

Лиловая, как негр, слива. Плотная, крупная, влекуще раздвоенная.

Вишня недолговечна (в Городе говорят – «уже отошла вишня»); вообще вишня есть определение времени – от «созрели вишни в саду у дяди Вани» до «отошла» – проходят стреми-

тельно считанные дни). Она нежна и кисло-ва-та. Какие коктейли она может украсить, на основе мартини и рома. Барон стрелял в оленя вишневой косточкой и выросло вишневое де-рево между рогами оленя. Юрий Олеша искал в ней, косточке, средство от неразделен-ной любви. Зачем-то и куда-то зарывал ее печ-альный Окуджава. Вишневое варенье в хруст-альной вазочке, и каждая вишенка в нем со-хранена особой, она тяжеленькая и плотная и плавает в густо-вишневом сиропе зимним хо-лодным вечером рядом со стаканом раскален-ного чая – Родина!

Родина – это на самом деле вареники с виш-нями! Тонкокожие, с женскими мочками обольстительных и любопытных ушек, с не-жными симметричными холмиками. В каждом варенике должно быть по две вишенки, и все вареники плавают в собственном соку... Глу-бокая миска, полная до краев – только тебе! Господи Боже мой! Можно многое выдержать, выстоять, но... перед такой тарелкой не усто-ять никому!

Вид человека, сидящего перед полной мис-кой вареников с вишнями, с ложкой в руке, утратившего память обо всем, пока есть еще

там последний вареник, вид этот поражает ощущением счастья. Пушкин не знал вареников с вишнями, иначе, откуда же у него эти печальные и несправедливые слова: «На свете счастья нет...»!

Желт и упруг абрикос, несущий в себе косточку, по форме которой создавалась наша галактика.

Вот продавец мандарин и гранатов, восточный человек с «изюмными глазами» и липкой, как паутина, завлекающей речью. Его обращение к тебе рождает обязательства. Он по-восточному нетороплив и жизнь его течет в иных измерениях. Он был точно таким же тысячелетия в прошлом и таким же пребудет вовек. Будет продавцом гранатов и урюка.

(Укреплена рядом надпись – «Восточные сладости из Самарканда»).

Товар у него – изюм, кишмиш, курага. Поэзия и нега востока. Гарем с обольстительными овалами, не вполне вымытыми. Гранат индивидуален, но живет плотно сбитым коллективом, зернышки его кровоточат и весь он одет в мешочек с завязкой над теменем. Мешочек надрезан, и из него выглядывают любопытствующие зернышки, полные взрыва-

той кислотой. Их вид рождает оскомину, и глядящий сглатывает слюну. Граната мавров. Альгамбра.

Виноградные гроздья сакральны, это не товар, это сокровенная суть жизни, основа всех древних религий и рисунок его ветвей и листьев стал символом христианской церкви. Из виноградной лозы построен иконостас православного храма. Его гроздья – основа плодородия всех живущих на земле. Виноград – это призыв размножаться! Цвет, форма, размер не подлежат описанию – этим надо жить!

*«И в этот день в Одессе на базаре
Я заблудился в грудах помидоров,
Я среди арбузов не нашел дороги,
Черешни завели меня в тупик;
Меня стена творожная обстала,
Стекающая сывороткой на бульжничек,
И ноздреватые обрывы сыра
Грозят меня обвалом раздавить.
Еще – на градус выше – и ударит
Из бочек масло раскаленной жижицей
И, набухая, желтыми прыщами,
Обдаст камень – и зальет меня.»*

*И синемордая тупая брюква,
И крысья, узкорылая морковь,
Капуста в буклях, репа, над которой,
Султаном подымается ботва...»*

Эдуард Багрицкий. Встреча

Надо бы где-нибудь в веселом и хорошем месте поставить памятник Эдуарду Багрицкому. По пути на базар, с собакой у ноги, с птицей на плече... На прямоугольном простом и мраморном постаменте – непременно монолите, а не облицованном туалетной плиткой - на высокой и широкой, скошенной к краям стилобатной ступеньке, чтобы могли ставить на нее свои тяжелые сумки пожилые и идущие с базара горожанки, а он мог бы послушать их разговоры...

Боже мой, но эта простая строчка: «И в этот день в Одессе на базаре...», да вспомнив ее случайно, где-нибудь на улицах, например, Рима, можно, споткнувшись об нее, утратить зрение и перестать видеть что-либо в этом древнем городе. И вновь обрета, протерев глаза от выпавших слез, более ничего не захотеть в нем, в этом Риме, видеть. Стать, вот так,

перед Колизеем, соляным столпом, к удивлению всяких подыхающих от скуки туристов, и вспомнить, на него, Колизей именно глядя, наш массив у Ланжерона ранним летним и солнечным днем, солнечные блики на прохладной утренней воде, волны, упрямо и косо идущие к берегу и забрасывающие водой плиты массива, лужицы воды на этих плитах, ветер, бросающий в лицо мелочь морских брызг, корабли, высоко стоящие в воде, вдалеке на рейде – и закачаться от звериной непередаваемой тоски, потому непередаваемой, что нельзя ее пояснить случившимся здесь бесполезно-ненужным людям.

Фантастическое изобилие наших базаров рождено плодоносностью земли и рождает жажду размножения. У любовного ложа стоит ваза со смеющимися плодами, бутылка вина из Шабо и на блюде крупными ломтями нарезанный пористый и холодный овечий сыр. Гармония мира!

И море всевозможных вин. Молдавских, крымских, украинских. Тяжки земные пути и велики потери, но Херес Массандры – примирение с неверной судьбой!

Любите ли вы Херес? ...Он рождается четыре долгих года из изысканных виноградных сортов с испанскими именами Серсиаль, Вердельо, Альбилио. Его выдерживают в солнечном парнике и потом холодят в глубоких подвалах. Это мужское вино и родина его город Херес де ля Фронтера на юге Испании.

От мужчины в нем лучшее – чувство времени, терпкое и шероховатое чувство, ставящее на правильные места все вещи мира, мудрость, и, поэтому, терпимость, и не поспешность в оценке (это надо видеть, как понимающий человек пробует неизвестную ему породу Хереса!). И глубина понимания, и отвага, спокойное и уверенное чувство, растворено в этом напитке, и ярость, холодная и ослепляющая взрывом...

Херес родился на юге солнечной и каменистой Испании, там днем солнце выжигает все живое, а ночью оно оживает, там по каменистым крутым тропинкам идут печальные ослики и у каждого глаза Осипа Мандельштама. Наверное, к этому приложили руку евреи там ведь было много евреев, Испания была им два тысячелетия родиной задолго до появления там испанцев. Наверное, евреи передали Хересу

чувство неизбывной тоски по родине, которой никогда не было и теперь не стало. Потому что у еврея нет родины на земле, потому что родина ему она вся целиком...

Утром с ним хорошо просыпаться, солнечным полуднем хорошо смотреть на море, поздним вечером в неторопливой беседе с другом, сыр пармезан, внимательные собачьи глаза...

Надо иметь что-то поистине грандиозное, какой-то неведомый мне подарок судьбы, чтобы заполнить пустоту жизни, лишенной Хереса и собачьей любви!

Одно время, в веке, видимо, восемнадцатом была распространена портретная живопись, где лицо человека художник «лепил» из плодов земли – овощей и фруктов. Это была забава, изыск, но и смысл прямой можно усмотреть в таком портрете – из чего построена плоть человека, и глубже, усмотреть в таком построении сакральную связь всего живого на Земле.

Встречаясь со знакомыми на базаре, вы встречаете иных людей, и относитесь к ним иначе. Это особая среда обитания, праздничная – как в бане, или в театре. Базар – это

школа жизни и ее учение здесь – понимать человека. Здесь, на воскресном базаре, можно стряхнуть монотонность прошедшей недели. Это серьезное дело и вместе отдых, развлечение и безделица.

Так только у нас, южан, на нашем юге. Мы живем «с базара», ощущая магазинную торговлю, как неизбежный придаток – только то, чего нет на базарах. В стране, где нет базарной среды падает рождаемость и дети становятся счетоводами. Это страна неврастеников и сексопатологов.

И красивыми девушки в этих странах не вырастают.

Нас можно лишить многого – родины, правительства, страны, веры в завтрашний день, всего, многократно обещанного нам, и не даденного ни разу, и Бог с ним, но лишившись базаров, мы утратим себя!

В храме нет тишины, в нем множество наблюдающих глаз. Есть у нас два места, где глаза посторонних утрачивают гончий блеск и теплеют внутренним чувством, обращаясь вовнутрь человека. Это баня и это наши базары.

Характерен вопрос: «Почем брали?».

На вопрос: «Почем помидора, хозяин?», хозяин терпеливо и непрерывно называет три цены, в зависимости от крупности трех лежащих на прилавке гор помидоров. Никто никогда еще не догадался просто надписать три бумажки и всунуть их в каждую горку. Необходимо прямое общение.

Это волнующее слово «Мужчина» – к тебе обращаются торговки, и звучит оно уважительно и зазывно, это зов женщины (мелодично и чуть тягуче, с упором на букву «а», все остальные буквы при этом вибрируют!). Как же пройти мимо?

Урок психологии – независимо от возраста тебя называют из-за прилавка: «Молодой человек». К пожилой горожанке на базаре уместно обращение: «Мадам...». К девушке обращаются осторожно: «Девушка...», видимо, боясь задеть. Слово «женщина» стараются не употреблять вообще, адресуясь нейтрально: «Вы ...».

«Вот девушка с *коровьими* глазами...». Это очень добрые и доверчивые глаза. Но, может быть вам больше нравятся маленькие и бегающие глазки-буравчики? Ядовитые бусинки? Дело вкуса, но мне нравятся широко откры-

тые в мир глаза моего народа. Девушку эту так легко обмануть, и она рада обманываться. И опыт не идет ей на пользу – сколько раз всякие мимо пробегающие ее обманывали, вновь и вновь, а она продолжает смотреть в наши глаза своими доверчивыми навсегда глазами. Легко над ней посмеяться. Но тогда спросим себя, откуда же берутся глаза наших зрелых, переживших многое женщин. Откуда они, вот эти, случайные, спросив ее, никогда ранее не виденную, где здесь купить петрушку, и заглянув на мгновение в ее глаза, изумишься – откуда же они такие, в них знание мира людей, всех его обманов, всех лжей и нарушенных клятв, всех этих клятвопреступлений и мук, но на самом дне сокрушительно видна все та же доверчивость, вопреки всему опыту, всему, что мы с ними, с нашими женщинами сделали, доверчивость, обмануть которую ты, понимая как это просто и легко, по неведомым причинам уже не сможешь.

Если вы ищите девушку для тела – смотрите только на щиколотки ног, но если для любви, тогда загляните ей в глаза...

Никто, спрашивая цену у первых в ряду продавцов, покупать здесь не собирается. Нужно прицениться.

Под ногами толпы рысчат базарные собаки. Под прилавками и сверху прилавков сидят раскормленные коты, у каждого свой прилавок. Чем питается такой кот, живущий в овощном ряду и почему не переходит в мясной корпус? Эта территория расчленена, описана и поделена навсегда. Как Англия, после захвата норманнами Вильгельма. Здесь каждый метр учтен в жизненных отношениях сторон.

И я заметил, что коты, живущие в картофельно-луковых рядах бывают трехцветны.

Мясо-молочный корпус. Здесь обязательно предлагают попробовать и протягивают тебе на острие ножа тонкий ломтик копченой колбасы, подчеревка или сала. Колбасы здесь домашние, копченые, кровяные. Копченое мясо надрезается для пробы косым сегментом. Продавец наблюдает реакцию и предлагает: «Берите весь кусочек – я немного уступлю».

Пробовать дают далеко не всем: на рынке есть много пробователей, никогда ничего не покупающих. И потому стороны торга внача-

ле смотрят друг на друга: покупатель определяется – не перекупщик ли перед ним, продавец – солиден ли покупатель. О, где твоя тень, Зигмунд Фрейд! Ты бы здесь многому научился и, может быть, перестал бы бояться женщин!

Копченые свиные головы с пастью, откровеннейшая в радостной улыбке. Копченые ножки и копченые ребрышки.

Выпотрошенные и общипанные куры со связанными ногами и горы яиц. Яйца бывают куриные и крестьянские. Последние дороже, крупнее и их цвет бежево-коричневый. Ощущение невымытости. Обе стороны торгового ряда выложены многоярусной стеной из яиц и за ними не видно торговков – это высятся стены Вавилона, первозданной мощности зубчатые эти стены и на них письмена судьбы.

И вдруг яростный зрачок петуха, привязанного за ногу и выставленного на продажу, но не утратившего любовь к свободе. Боевая раскраска и презрение к окружающему миру рабов. Он стоит привязанный среди выставленных на продажу живых кур и цесарок, смирившихся с уделом невольников, он тоже привязан, и куры эти покорны, жмутся друг к дружке, и вдруг среди этой рабской испуганной

толпы взрывается и длится яростный и негодующий петушиный крик. Вождь неизвестного, но явно кровожадного племени. Напоминание о нашем предательстве.

И дальше, сколько видит глаз, тела оципаных уток, головы их на длинных оципаных шеях беспомощно и трагически свисают в проход между рядами. Поверженная армия в руках жестокого победителя. Гора трупов. Жестокости ассирийские.

Тяжелые лепешки брынзы. Коровьей, овечьей и смешанной. Брынза имеет до семи градаций солености. Козья тоже лежит, она самая полезная, если вы можете превозмочь и даже полюбить козий запах и привкус, так что выбирайте между удовольствием и пользой. Правильно выбирать удовольствие, а любовь, как известно зла!

«И если какой человек ест и пьет, и видит доброе во всяком труде своем, то это – дар Божий»

Еккл 3.13

О, где ты сейчас, тень бессмертного Тиля Уленшпигеля, веселого и вечно голодного

странника, где ты плотоядный и жизнеобильный Пантагрюэль и Иозеф Швейк и Сэмюэль Уэллер, вместе со своим другом и хозяином, любящим поесть и выпить, Сэмюэлем Пиквиком, где вы? Вот наши базары и их изобилие, радующее сердце и согревающее желудок, поспешите же ко мне, мои любимые, мои братья, и мы, все купив и расставив, сядем за накрытый к празднику стол, чтобы, по справедливейшему выражению Полиграфа Шарикова вот так, «по-настоящему», посидеть, игнорируя неверные мнения высоколобой и надменной профессуры (хотя вполне можно согласиться и с профессором Преображенским, что «оперировать нужно горячими закусками»). Ах, неправ был знаменитый профессор, предосудительные делавший операции недостойным клиентам, не прав – всему место и время, время и горячим закускам, но и холодные уместны и так вкусны где-нибудь весенним наполненным солнцем днем на склоне Отрады с любимой, так уютно облокотится на камень бутылка сухого вина и на салфетке, положенной сверху этого камня, лягут бутерброды с ветчиной и разрезанный вдоль круто посоленный огурчик, и помидоры ярко заблестят сре-

ди свежей травы, стремительно выросшей здесь в считанные часы первого весеннего тепла, да и говорить можно на разные темы и по-разному совершенно, в зависимости от наличных закусок. Ах, старым уже был и многое подзабывшим профессор Преображенский, в раздражении на «певунов» отвергнувший холодные закуски, вместе с пролетариями всех стран.

Я вижу его, этот наш праздничный стол – вот в его самом центре стоит нехитрая, но вместительная посудина до краев и свех края наполненная зеленью, она возвышается горой редиса и перьями лука, в глубину ее зарылись тупорыло свежие огурцы и пламенеющие твердобокие помидоры, и по салатному листу скачивается слезинка желания, а вокруг глубокие тарелки и в них, в центральной, колбасы, копченая и кровяная, нарезанные толстыми ломтями, по-крестьянски, и рядом тарель с зельцем, и там же тонко «наструганный» подчеревок (он начинается красными прожилками мяса и переходит в девственную белизну просвечивающего счастьем кошерного сала), а там брынза и сыр, и головки маринованного

чеснока среди пламенеющей перцем корейской морковки, и лимончик и ломти свежего хлеба, и селедочка пересыпанная зеленью. Но вот горделивой королевой стала на стол первая бутылочка водки, она чиста «как слеза комсомолки», она подлинно безотносительна, она только сейчас из морозильной камеры, и ее стенки запотели от внутреннего холода и сосредоточенной горячей силы взрыва, вот налита первая рюмка, и кто-то из нас первым говорит, желая всем здоровья и счастья, всегда начиная междометием «Ну...».

«Ну, со свиданьем...», или «Ну, чтобы все были нам здоровы», или «Ну, с праздником...»

И уже на третьей праздничной рюмке, практически еще в самом начале застолья, непременно раздастся стук и привлеченный нашими веселыми голосами и взрывами смеха войдет первый гость и, поставив на стол свою бутылку, станет смеяться вместе с нами своим и нашим шуткам, а там еще кто-то третий подвернет к нашим дверям, и не будет хватать места, и посуды не хватит, и мы потеснимся, и не в посуде дело...

Где же вы сейчас, друзья мои, так часто делившие со мною радости, рассеянные теперь по пространствам земли. Ведь сегодня праздник, и надо бы нам, как когда-то, собраться вместе и наполнить комнату веселыми головами...

Одиноким и сегодня богатый я праздную стою посреди базара – передо мною базар и смерть базара!

СТАРЫЙ БАЗАР

Он возник здесь в самом начале Города, став основным торговым центром в 1820 годах. На громадной Старобазарной площади архитектор Г. Торичелли построил по всему периметру двухэтажные торговые корпуса со сплошными галереями по вторым и аркадами в первых этажах, а в центре площади высокую четырехгранную часовую башню. Такая прорва колонн бывала только в античной Греции на форумах и далеко не во всех городах. Башня сохранялась долго и уже в советское время (в 1958 году) упала от ветхости и небрежения.

Как жаль – наибольшую жизненную ценность имеют только здания лишенные какого бы то ни было утилитарного назначения!

На старой открытке Старобазарная площадь. В центре снимка стоят весы на треноге, высотой метра два с половиной. К треноге подвешена крестовина весов и плоские «тарелки», размером с квадратный метр каждая. На правой тарелке гиря, видимо, пудовая, а слева – корзина с картошкой. Смотреть вес можно, глядя на тарелки, их горизонтальное равновесие, либо на стрелку-указатель на треноге вверху, где крепится коромысло. Так и видно на снимке, пожилой интеллигентного вида чиновник или преподаватель, усатый-бородатый и в шляпе, глядит вниз, на тарелки, а стоящие сбоку мужик и баба – на стрелку, вверх. Этот в растительности на лице, видимо, покупатель, а кто-то из рядом стоящих, возможно, мужик слева, владелец тачки и сейчас повезет груз к дому покупателя. Эта тачка стоит тут же, на переднем плане, пустая и ждет.

Рядом, как водится, пара бородатых евреев, старый, с большой седой бородой и моло-

дой, с умеренной растительностью на лице. Он высок и одет во что-то мешковатое, он заметил объектив фотографа и смотрит на меня сквозь время. Во взгляде и выражении лица немного любопытства и скептицизм, врожденный и приобретенный непростым опытом жизни. В Город евреи приезжали из местечек черты оседлости, необразованные, малограмотные, задавленные бесправием и нуждой, говорящие на еврейском жаргоне и русский так никогда и не могли приемлемо освоить, говорили они с немислимым акцентом, всегдашним поводом для насмешек. И не успевали уже измениться, но откуда брались у них такие дети? В первом же поколении, много во втором, наученные в семье осторожности и страху, копеечному расчету и торгашеству, как смыслу жизни, как они становились такими, язык русский уже они не только знали, но и любили, а многие знали его как родной и лучше, чем коренные носители в массе. Если и были в конце века у литературы русской ценители и почитатели, лучших, чем эти евреи, не было. Не помню кто, возможно Блок, как-то с грустью заметил, что ежели бы не еврей-

кие девушки, русская поэзия утратила бы большинство своих почитателей. Но это так, в массе, и если уж всерьез вдаваться в оценки, что была русская интеллигенция от тех, чеховских времен, и до развитых советских, как не еврейская наполовину? Как мог приехать из гетто Хаим Нахман Бялик и стать в ряды мировой литературной элиты? И в ней навсегда остаться...

Нынешний Привоз был частью этого рынка, просто площадью, где вся торговля шла прямо «с колес» и назывался он, соответственно, Привозной площадью. Он был придатком Старого базара.

НОВЫЙ РЫНОК

Здесь стояла Сретенская церковь, построенная в 1842-1848 годах, и на церковной площади, как водится в мире людей, возник рынок, названный Новым, а площадь – Новобазарной. В 1896 году по проекту А.Д. Тодорова по линии Торговой улицы были поставлены два громадных корпуса крытых рынков. Высоченные залы, металлические фермы и

стеклянные потолки. Эти здания не соответствуют малой ширине Торговой и общей высоте застройки. Новый рынок, собственно, кипит за их спиной.

К рынку я иду по Коблевской или Садовой. Обе они в него упираются и рынок виден издалека, брожением прилежащего народа. Лежит Новый между Торговой и Конной, и первая принадлежит Городу, а вторая целиком рынку, являясь его продолжением. Само название Конной означает наличие здесь в прошлом конного рынка. Это память о присутствии благородной лошади в нашей жизни. Поэтому Конных рынков и площадей в Городе было много, а в одежде мужчины весь девятнадцатый век ощущался всадник. Справа квартал Княжеской (Баранова), а с левой стороны узкая улочка, превращенная в автобусную станцию «идущую» от Рынка. Она обслуживает частных – поставщиков товара.

Колоннады сохранились и поныне во многих местах давно исчезнувших Греческого и Старого базаров и существующего Нового в обрамлении их площадей. Часто арки заложены, превращая колонны в пилястры, уро-

дую здания пристройками и надстройками, но вопреки времени и безвременью, остановившись где-нибудь на углу Нового рынка, чуть прикрыв глаза и отстранив окружающую суету и шум, можно увидеть, каким это было когда-то, услышать иные голоса, молодого еще Города, ощутить запахи чумацких вozов, идущих к рынку и к постоялым дворам, расположенным тут же, неподалеку, окрики биндюжников и, во все времена легко узнаваемый, характерный и неповторимый одесский говор.

На днях я покупал елку на Новом рынке. Мне объяснили, что надо ее покупать за рынком, на Конной улице, а не перед ним, на Торговой, что там, за рынком, цены значительно ниже, чем со стороны центра. Это именно так и оказалось, причем разница эта колебалась чуть ли не вдвое, расстояние же между этими местами продажи вряд ли превышает ста метров. Приценившись к елкам, продававшимся со стороны центра, и перейдя затем за рынок, я купил на эти деньги ошеломляющих размеров ель, целое дерево, и, купив, понял, что не донесу до дома, тем более, что со мной был пес на поводке. Но где то здесь непременно должен был процветать извоз, и, глянув вок-

руг, я увидел группу мирно беседующих мужиков с лицами, уж не знаю по какой причине, но сразу определяемыми как водительские. Я не ошибся, их машины стояли рядом, в основном, старые легковушки, с характерными багажниками на крышах, но, главное, лица уж очень были характерны. Такими эти лица у Нового рынка были и в начале столетия, с той разницей, что неподалеку стояли вместо машин их кони, мирно жуя сено (у деда моего Гордея было таким лицо и биндюжники звали его Григорием). И нас, меня с псом и елью на крыше, заботливо и уютно погрузив в свой транспорт, довез уже слегка выпивший (был конец дня) и разговорчивый специалист извоза, и, пока ехали мы эти несколько кварталов к углу Спиридоновской и Дегтярной улиц, мы успели побеседовать и сверить карты относительно семейных (что, мол, донимают жены) и государственных дел (что, мол, ворюги, и кто же мог этого ожидать в такой ошеломляющей степени), и, доехав, мы обменялись поздравлениями к праздникам и пожеланиями, а, насчет елки и ее цены, он сказал, что мне сильно повезло и что ель, что надо, и что я правильно сделал, купив ель, а не сосну.

ПРИВОЗ

Он был первоначально преддверием, частью Старого базара. Постепенно выделяясь и обустраиваясь лавками, он стал с 1865 года самостоятельным и самым крупным рынком Города. Стоит он в границах Преображенской и Екатерининской улиц и со стороны Екатерининской высится мясной и молочный корпус.

«Фруктовый Пассажь» выходит на Преображенскую. Он грузен, раздвоен продольно и в нем ощущается дыхание появившегося тогда модерна. Его как-то хотели вовсе снести и была в Городе целая компания с подписями, но тогда нам удалось его сохранить. Во всю мою жизнь я никогда не видел, чтобы там продавали фрукты. Сегодня его проходы превратили в вещевой рынок. В правом флигеле на Преображенской расположился магазин «Горілочні напої» под названием «НАПОЛЕОН», выведенным гигантскими буквами, в треть высоты здания, и все это под короной и с вензелем «N» для надежности впечатления! А в левом, симметрично, расположился продмаг «КУТУЗОВ» и тоже, конечно, с водкой, и так

же крупно. Мемориал «грозы двенадцатого года» стоит на самом входе в наш «Привоз»! Притом, единственный в мире, где уравниены эти славные имена!

Со стороны старого кладбища и теперешнего зоопарка, вдоль трамвайных путей, Привоз огорожен сплошной стеной одноэтажных лавок, имеющих выходы-входы со стороны улицы и изнутри Привоза. Здесь продают строительные товары, известь, толь, керамическую плитку, скобяные товары, сантехнику. Стоят мешки с мелом и цементом. Лежат на прилавках и на земле никелированные смесители, преступно выгибая длинные шеи. От проезжей части узкий тротуар отделен шеренгой продавцов с рук, в основном, это те же скобяные товары, инструмент и лаки-краски.

И по самой обочине на асфальте тротуара – блошинный рынок Привоза. Какая-то веселая женщина с трудной судьбой, «не столько старая, сколько уже сильно пьяная», продает несколько томов Брокгауза-Ефрона и канделябр в золоченной французской бронзе с отломанным рожком. На вопрос, где отломанная часть, поясняет: пропала в революцию на допросах, били подсвечником по голове. Очень

похоже на правду и какая связь времен! Разбитные и уверенные в себе молодцы раскинули книжный ряд, а в нем роскошью тисненных в коже и золоте переплетов представлены столетней давности издания на французском, английском и немецком и еще на каких-то иных языках – классика прошедших и частично нынешних времен, медицина, астрономия и философия. И астрология.

Библия раскрыта на пророке Ионе, но этих людей, равнодушно идущих мимо страниц со словами Бога, никому уже не спасти! Я, низко наклонившись к тысячелетней странице, припорошенной пылью, читаю, как пожалел Господь свой город, «где множество скота и десять тысяч человек, не умеющих отличить левую руку от правой...». Меня толкают, я заслоняю проход всем этим людям, шаркающей походкой идущим мимо в небытие, и думаю, ведь пожалел же Он Ниневию, не может быть такого, чтобы теперь Он вновь позабыл своих ни в чем неповинных детей! И кажется мне вдруг, что Иона, это мое имя, и что послан я в этот любимый до боли и ненавидимый до отращения Город, который Господь пожелал все же спасти...

*«Мы переходим рыночную площадь,
Мы огибаем рыбные ряды ...»*

Эдуард Багрицкий. Встреча

Когда-то был на Привозе рыбный корпус, ближе к Екатерининской улице. Мальчишкой по пути на Отраду я покупал там донку (на пенопластовую дощечку намотана была леска с крючками и грузило, полностью готовая, нехитрая и смертельно опасная снасть для бычков) и наживку. Теперь это длинные открытые ряды со стороны Базарной, идут они от угла Преображенской на всю ширину улицы до Фруктового корпуса вплоть. Рыбы там – да осталась ли она, эта рыба в море? Не вся ли она лежит здесь на прилавках? И все пространство прилежащих улиц навсегда пропахло свежей и копченой всеми известными способами рыбой. Лежат громадными дирижаблями копченые рыбины, с просвечивающей золотистой кожицей и под нею ощущается ласковая нежность тающей во рту рыбы. И сразу хочется холодного пива!

Начинается все бычками. Рыбаки держат на весу связки крупных бычков, этим утром еще беззаботно гулявших по каменистому

дну. Основательные, плотные, коренастые (так выглядит средних лет и средней руки доцент в области общественных наук), темно-дымчатые, они висят гирляндами на нитях, продетых под жабры. Они еще пахнут морем, дном, крабами. Это преддверие рыбного базара, все остальное распределено по рядам, сортам и видам, но бычки демократичный товар, их часто продают стоящие рыбаки или сидящие перед маленьким столиком торговли.

«Бычок – это маленькое чудовище с огромной головой, поистине бычачьей, но с веерами возле ушей ... » (Юрий Олеша)

Но вы, когда будете покупать бычки, покупайте лучше у рыбаков. Это серьезные и любящие выпить люди, а сейчас еще утро и они только с моря и там они очень продрогли, им надо бы выпить, покупайте у них, и вам зачтется...

На картонных ценниках от руки написано у каждой торговли свое, над ценой – «тюлечка», или «супертюлька», и приписано, что самая-самая свежая и «только у меня»(!), что «обалденно вкусная». Анчоус, какое имя, к

чему обязывает. Уж и не знаю причин, но женщины, торгующие в этом ряду – всегда веселые и доброжелательные женщины. С ними весело шутить, перебросившись несколькими словами о жизни, но Боже упаси Вас их обидеть, или просто задеть, во-первых, не за что (в смысле темы, а так они все очаровательно полноваты на взгляд любителя крупных и полновесных женщин), но, во-вторых, себе дороже!

Но, конечно, если тебе хочется узнать о себе что-нибудь новое и интересное...

Следующий ряд весомее, он солиднее и тише, здесь берут не числом и массой, и товар здесь штучный – поперек прилавков стройными параллельными рядами дирижаблей выложена скумбрия и сельдь. Норвежская, голландская, исландская. Иногда такой ряд полностью обезглавлен и написано – тушка. Как на Гревской площади при Конвенте.

И ряды копченостей – все золото мира,...

Здесь тоже есть свои плебеи – мойва, хек, треска...

Грудами лежит на прилавках все золото и лучшее серебро мира. Роковая наша страсть к мерцанию золота и серебра родилась из этой

красоты одежд, в которые Господь одел свои беззащитные творения и которой разумно лишил нас. Так торжествующий пират, добравшийся до тайного подвала с кладом, дрожа от жадного возбуждения, мечется от сундука к сундуку, и, открыв первый, доверху наполненный серебром, он жадно и до отказа набивает карманы, и засовывает тяжелые монеты за пазуху, в отвороты рубашки, и сыпется серебро мимо уже переполненных карманов, но в следующем сундуке, старом и оббитом полосами металла и заклепок, вросшем от времени и тяжести в землю, доверху насыпано золото, оно огненно-рыжее цветом, и цвет этот благородно приглушен, так чтобы сразу, на свету или в темноте, даже случайно увиденное, оно, без сомнений, было золотом, и опьяненный и испуганный человек вытряхивает горстями и прямо на землю подвала серебряные тяжелые монеты, чтобы наполнить их золотом. И останавливается потрясенный ужасом, цепenea от мысли, что все это ему одному не унести, а взять только часть и оставить остальное, вот это все, все сундуки – он уже не в силах!

Плоские диски камбал тяжело лежат на пропахших навсегда рыбой столах. Их тело двухцветно, и поверху оно защищено плотным панцирем кожи, в колючих угрожающих наростах этот панцирь, а снизу, обращенный ко дну, камбала хранит свой животик, он нежно-кофейного цвета и, перевернув страшное чудище, с изумлением видишь, до чего же оно беззащитно!

«Девочки – водочка, коньячок, к праздничку!». И все так вкусно, так ласково, в этом манящем женском голосе, и почему, собственно, только девочки, все остальные тоже примут горячее участие! Кипит работа неостановимо, вот торпедами на столе лежат толстолобики, такая в них стремительность силы и мощь, а хозяин, отложив бумажную тарелочку с горячими варениками с раскаленной внутри картошкой, густо политыми кровью кетчупа (стекает с тарелки и капает эта кровь и сливается с кровью из ран толстолобика), и поставив ее подождать на тело рыбины, обслуживает клиента. Холодно и мерзнут у него руки, но рядом с тарелочкой на теле толстолобика уже устойчиво стал стаканчик с чем-то маняще прозрачным, и чуть покачивается в

стаканчике жидкость, остывает в нем водка, к горячим вареникам на морозе, ледяная водка, и не разврата ради, но чисто для души...

«Холодно, эх, холодно на морозе песню петь...»

«Мужчина, куда же вы уходите!? Целый день ждешь, а он взял и ушел!». Это ко мне, не оправдавшему надежд. Такое разочарование в женском этом голосе, такая обида, может быть, мне вернуться и купить...

Все такое свежее, оно только из моря, с глубин океанских попавшее прямо сюда, на прилавки. Так говорят, ничуть не обманывая торговки, так Хлестаков рассказывал о французском супе, что он только что и прямо из Парижа, в кастрюльке и уже стоит в центре стола и еще дымится кастрюлька, а в ней суповая разливная ложка...

Ах, русская великая литература, что сделала ты с нами, что делаешь еще и сегодня, с остатками, еще не разучившимися держать в руках книгу! Этот Хлестаков, этот пустопорожный веселый мотылек и цыган, насмешливый враль, каких поискать, нас развеселил,

во-первых, а во-вторых, что-то такое в нас и в себе увидел, и, налету нам об этом сказал, смеясь и лукавя, и сказал ведь правду! Что-то такое было в Александре Сергеевиче от Хлестакова (вот удивился бы Гоголь, а, может быть, и вовсе не стал удивляться) и во втором Александре Сергеевиче тоже, как ни странно, пусть и не всегда в его основательной министерской жизни, но когда он писал бессмертное свое «Горе», реквием по себе, или когда ухаживал за молоденькой девочкой Ниной – тогда несомненно было...

Ну что это я приплел здесь, в рыбных рядах стоя?!

Недоступная аристократия, их превосходительство красная рыба, и балыки, и красная икра... Генералитет, в широченных красных лампасах... (немногие знают, что на генеральском нижнем белье тоже есть лампасы, чтобы в любой ситуации не нарушалось чиновничье почитание).

Военная профессия одномерна и лишена сексуальных оттенков. И это правильно, какой была бы армия, если бы каждый, как ему вздумается и без приказа...

Опять же имеются в рыбных рядах и проверенные рецепты: «Кальмар – мужская сила!»...

И вновь к народу, высушенные мумии пивных рыб висят на бельевых веревках головками вниз. Их нескончаемые гирлянды достигают земли, скрывают прилавки и продавцов, здесь потеряться может человек, но выйдя из этого лабиринта и, дорвавшись наконец к пиву, себя он уж наверняка потеряет. Либо найдет...

Кругом идет этот ряд и утрачен в нем цвет. Подобное я видел на границе великой Сахары. Внезапно исчезла привычная яркость и многоцветие мира, поглощенное только одним господствующим цветом. Но это ошибка – нужно отстраниться от привычного и побыть одному в тишине, поскольку цвет всегда связан со звуком. И тогда станут выступать оттенки – чем меньше цвета, тем богаче палитра оттенков. Так на старых черно-белых фотографиях с удивлением видишь иную глубину и красочность мира, так люди иные на старых черно-белых и немых лентах. Они ближе нам, сегодняшним, жизнь которых окунута в густое многоцветие красок...

(Рекламный щит гениален – «Дешевле только в море!»).

Тяжелая плоть лобана, такой тяжести, что видно, как брошенное на плоскость прилавка, тело рыбины «проседает» и расплющивается. В сокрушающей мощи этих хвостов источник морских волн. Кованная серебряная чешуя, филиграннойковки, с красно-золотым отсветом. Такая чешуя светится в темноте морского дна как уличный фонарь освещения.

Попробуйте подобное изготовить, с применением всех самых новых технологий, и вы поверите в бесконечную мощь и доброту Творца...

Не знаю, откуда берутся и где вырастают такие громадные толстолобики (библейский Левиафан был взят примером мощи от такого вот толстолобика). Недавно ко мне заявился дворовый мой сосед. Он промышляет рыбной ловлей, где-то вылавливая этих самых толстолобиков. Он уходит на промысел в ночной еще темноте, а утром, когда я его вижу, он уже весь улов продал и успел выпить. Это крупный мужчина, с опаленным от солнечных бликов на воде лицом, одет он в нечто простое,

как в естественную драпировку, и такого же цвета. Так Господь одел всех нас при рождении. Он такой, каким были рыбаки на Галилейском озере, Андрей и его брат Петр, первыми встреченные и призванные Иисусом. Наверное, Иисусу понравились их лица и простая немногословная речь. Он сродни окружающему ландшафту, являя собой не часть человечества, но мир минералов, в разделе базальта и гранита. Я всегда его вижу выпившим. Мы раскланиваемся. Пришел он ранним утром и приволок чудовище в формах толстолобика, я уже несколько дней никуда не выходя из дому, заканчивал срочную работу.

Сцена была такая: на нашей открытой галерейной веранде (в старом Городе много таких открытых веранд по вторым этажам дворовых флигелей и на них выходят двери всех квартир) я стоял трехдневно небритый в распахнутом халате, не скрывающем стройных и волосатых ног, на голой груди серебрился тельный крест. «Я знаю, – сказал он, качаясь маятником передо мной, удерживаемый вертикально только мощью толстолобика, упрямо упирающегося своей громадной головой в пол (замечали ли вы, что голова толстолоби-

ка всегда указывает на центр земли, как магнитная для рыб стрелка? Рыба обитает в трехмерном пространстве, это мы, гордость земли, ползаем по ее поверхности клопами, боясь свалиться...) – я знаю, что ты профессор, так говорят во дворе, и, конечно, купить такую рыбу, я не хочу вас обидеть, себе ты не можешь, так вот это подарок тебе к празднику». ...Когда этот благородный человек ушел во двор доругиваться с соседкой, я, потрясенный, долго сидел на кухне и рассматривал толстолобика. Он лежал на кухонном столе, выходя далеко за его границы, гордо неся задумавшуюся свою голову с одной стороны стола и свешиваясь хвостом до самого пола с противоположной. В его обводах, в крупной лобастой голове, в доспехах чешуи, в рисунке хвоста, ощущалась великая первобытная мощь, свиток Библии с утраченными временем углами лежал передо мной и легко читались его квадратные формой буквы: я видел мировой океан, пересекаемый грудью и плавниками древнего обитателя планеты, первобытные берега океана читались в замкнутом пространстве моей маленькой кухни. Письмена Библии проступали сквозь веселенький рисунок кухон-

ных обоев и рисунок этот веселеньким быть перестал.

У нас все женщины в Городе делают фаршированную рыбу, но чтобы она получилась настоящей фаршированной рыбой, женщина должна быть непременно еврейкой. Еврейка же, это не национальность, это предпочтение Бога.

Жене моей очень не понравится, что я здесь написал...

И чтобы хорошо получились синие, необходимо, чтобы, по крайней мере, уже бабушка женщины-стряпухи была одесситкой, не говоря уже о фаршированной шейке! Надо чтобы стояла у плиты рядом с бабушкой маленькая девочка и что-то ей помогала делать, своими, еще неумелыми ручонками и слушала, что говорит ей бабушка, а это неважно что, даже и не вполне относящееся к технологии фарширования шейки, главное, слышать теплоту деловитого этого голоса и спрашивать, и в равной мере неважно, о чем спрашивать. Только при этих условиях и, если повезло с бабушкой, человечество не утратит умение делать настоящую фаршированную шей-

ку. А бабушки наши – лучшие в мире бабушки!

А настоящий эклер!

Родиной эклеров является Питер, кафе «Север» и еще кафе напротив агентства аэрофлота на Невской перспективе, и потому родиной эклеров стал этот умышленный город, что человек этого белесого севера, этих прямоугольных душевредительных пространств и серых квадратов обманчивых зданий нуждался в утешении сердцу и сотворил это чудо, откровением, конечно, пользуясь, он создал великое таинство – эклер...

Эклер же должен быть не очень велик, в соотношении диаметра к его длине один к четырем, и в сечении иметь чуть сплюснутый эллипс – это форма длящегося напряжения, готового разрешиться взрывом, корочка шоколадной глазури должна покрывать эклер не чрезмерно, только по верхней его части, она должна быть холодновата и тонка, как первый осторожно похрустывающий под ногами, еще не окрепший лед (и к этому льду так идет озорной девичий смех и веселый собачий лай), но под ней теплая нежность крема, и когда его, такой эклер надкусываешь, он может, это по-

зволительно все же, хоть есть лица, утверждающие недопустимость такого, он может раскрываться кремом и с противоположной стороны от надкусанной, раскрываться как бутон цветка, как роза любви, как надежда...

СТАРОКОННЫЙ РЫНОК

В предыдущих веках мир был полон лошадьми. Они служили безропотно и трудолюбиво человеку, тянули плуг, несли на себе в будни, выносили из боя, тянули кареты и экипажи, потом впряглись в конку, забавляли на скачках. Понятно, откуда Джонатану Свифту пришла здравая мысль о стране благородных гуингмов. Нужно, конечно, не забывать, что и характер у Декана был тяжелый, да и мало любил Декан своих двуногих современников.

Конных рынков поэтому в Городе было много. Староконный образовался в 1832 году в границах Скидайловской, Петропавловской и Косвенной улиц. И когда вблизи Большого вокзала образовался Новый Конный рынок, этот получил прозвище Старый. И так сохранился, а Нового Конного пропал и след.

По выходным дням мы с моим псом ходим к Староконному рынку. На всех прилегающих к нему кварталах, вкруговую, прямо на тротуарах улиц уже с шести утра раскинут блошинный рынок. Это чужое название, наше же, родное, Толкучий рынок, Толчок, Толкучка. Он неистребим. Первый из известных в Городе был при Старом базаре и был он современником одесской жизни Пушкина. Где-то в восьмидесятых годах его удалось переместить на Прохоровскую площадь. Сегодня при всех городских базарах есть стихийные толкучие рынки.

Торгуют, в основном, здесь женщины, они уже много лет знакомы, находятся в приятельских отношениях и ведут нескончаемые беседы, вовлекая в них и проходящих, да и зная уже в лицо постоянных базарных ходяков. Как нас с моим псом, например: они часто заговаривают с Деником и, если узнают меня, то заодно конечно с ним, его отголоском. Он характерен внешне и запоминается легче. Даже и у Деника здесь есть кореша – многие торговки приходят сидеть вместе со своими собаками, и даже с кошками (что напрасно!). Собакам, умирающим от жары и скуки, Деник

служит развлечением и обществом. Они уже накоротке, знают друг друга и нюхаются, пока я рассматриваю книгу. Торговки сидят двумя параллельными рядами, между ними сравнительно узкий проход и по нему двумя встречными нескончаемыми потоками идут люди, пришедшие на базар. Эти пришедшие чаще всего, как и я, идут без определенной цели: вдруг что-то попадется, дешево и сердито. Есть и специализация: за самим рынком, со стороны трамвайных путей, в опасной близости к проходящему транспорту, торгуют мастеровые своим товаром – метизом, всякими кронштейнами и инструментом. Несколько продавцов держат «антикварные лавки» со всяким старым хламом, но бывает, вдруг что-то проглянет среди этого мусора, майолика кузнецовской работы, английский фаянс, статуэтка Гарднера. Сверкнет великолепием стекло русской работы императорского стекольного, или эпохи модерна, или кувшинное стекло вдовы Лютц с цветами побежалости. А вот эта стеклянная посуда, невзрачная видом и тусклого цвета, если, поняв, что это такое, отмыть с любовью и бережно принять в задрожавшие от волнения руки, можно про-

честь – братья Даум. Да мало ли! Охота эта пуще неволи!

Мужик продает щипцы для снятия нагара и поясняет покупателю, что это прибор для завивки усов. На мое разъяснение реагирует обиженно и я не настаиваю, но, возвращаясь и проходя мимо, вновь слышу его рекламный голос о щипцах для снятия свечного нагара. Прогресс!

«Ундервуды» и «Мерседесы» на полном ходу, в родных футлярах. Их клавиши по-прежнему готовы к работе и полны ожидания, но так давно нет достойного текста. Лицом к этим великолепным созданиям, пальцами рук на их ждущих клавишах, множество вдохновенных часов провел человек, верящий, что стук этих клавиш летит в будущие времена, к нам и минуя нас, еще дальше. Они, призванные слушать и навечно закреплять найденные слова, теперь молчат, выставленные равнодушному взгляду прохожих. Не достучаться...

Самовары лучших российских фабрик, все в медалях по тулову, как многозаслуженная и широкая полковничья грудь. Вечерами их раскаленные стенки отражали собравшуюся вокруг семью. Ручки у этих старых самоваров

(как и у чайников с кофейниками) сделаны из слоновой кости, из твердых пород дерева, и так же выполнены все сочленения и переходы от раскаленной самоварной части к ручкам и краникам, чтобы не ожегся человек металлом, пышущим жаром. Странно позабытыми теперь оказались эти важные и простые вещи. И форма у старых кофейников, кем-то гениально однажды найденная, останавливающая радостью глаз, она также утрачена и позабыта сегодня.

Книга с оторванной обложкой, «Житейская философия кота Мура», и я наглядно убеждаюсь, что Эрнст Теодор Амадей Гофман в России был любовно переведен и издан еще в первой половине XIX-го столетия! И популярен до сего дня разве это, быть изданным в чужой стране на непонятном самому тебе языке более ста пятидесяти лет назад (издаваться потом неоднократно в сборниках и в розницу), пройти множество рук и душ, и лечь на торговом пространстве блошиного рынка на Староконке, продаваясь за смешную цену в один рубль (с предложением, если будете брать, об уступке в цене), разве это не счастливая писательская судьба?! Мне бы такую,

пусть даже всего на несколько лет.

Староконный – это традиционный городской «охотничий» рынок. В задней его части стоят ряды крытых навесов и здесь царство пернатых: клетки, всякая птичья аммуниция и сами птички. В углу на стенах рынка развешены клетки с кенарами. А в обычных клетках сидят парочками небольшие певчие птички. Сидят здесь и попугаи, от громадных размеров, злобных и фантастических расцветкой карибских (характером и богатством полутонов более всего напоминают они мулаток благословенной Кубы, «белых женщин с черным ртом»), до маленьких, отечественных, волнистых, если есть у нас в отечестве попугаи.

Масса аквариумов, сделанных для предпродажной демонстрации рыбок и в них море цветных огней. Рыбий корм, «живой» – маленькие червячки. Эти маленькие декоративные трогательные морские фонарики оказывается хищники! Черепашки всех размеров, лягушки всех цветов, до телесного, и сразу очевидно – самый отвратный цвет – наш, телесный. Аквариумные водоросли, памятью об Офелии.

Правильное определение – невольничий рынок. Здесь люди продают своих младших братьев за деньги. Ощутимо это в кошачь-собачьей его части. Она вынесена за границу рынка и обтекает его по периметру. Собаки очень чувствительны, одни из них угнетены и печальны, другие агрессивны. Матери чувствуют возможную утрату щенков. Основная продажа идет прямо из машин, из их открытых багажников. Мелюзгу продают с рук. Малышам страшно и холодно и они дрожат.

Не так давно все поле Староконного – земля его свободной от застройки части, было занято торговцами сантехникой и инструмента «с рук». На земле и на ящиках лежат там краны, ручки, фитинги, инструменты в наборе. Теперь торговая индустрия в контейнерах раковой опухолью поглощает первобытную простоту Староконного рынка.

ЭРИНИИ

«Уходя из дому, не оборачивайся, ибо Эринии идут по пятам».

Пифагор

«Дикие тигры гнева мудрее смирных коняг увещаний».

Уильям Блейк.
Союз небес и преисподней

«А спустя десяток мгновений... ворвались полчища Эриний... Гремели бубны и кимвалы... Волосы мои встали дыбом. Не помня себя, я вскочил, затопал ногами. «Остановитесь девушки! Богини мщения, остановитесь! В мире нет виноватых!...». А они все бежали».

Венедикт Ерофеев.
Поэма «Москва-Петушки»

Эринии произошли от крови из раны Урана (в иной версии это дочери Кроноса и Эври-

номы). Их имена: Тисифона (яростно молящая), Алекто (неутомимо преследующая) и, самая нам известная, Мегера (свирепая). Это свирепые и стремительные женщины в черных одеждах, у них черные крылья и разъяренные змеи клубятся волнами на голове вместо волос. У них в руках ножи, бичи и горящие факелы. Горе заглянувшему в их глаза! Они пронесутся мимо, его не тронув, но лучше бы ему умереть сразу!

Они преследуют нас ночью и, оглянувшись, всегда увидишь рассекающие мрак факелы, несущиеся к тебе издалека, но короток любой разделяющий нас путь. Они проникают в наши сны, и сны наши отравлены страхами и раскаянием.

Поверь, они идут по пятам, Богини мщения.

Те, кто калечил, разрушал и уродовал, понимая или не понимая, не суть важно, будут наказаны жестоко, но и мы с тобой будем. За все – за молчание и непотворение, за соглашательство, за втянутую голову в плечи, пусть и от стыда, за молча проглоченные оскорбления. Нас, меня и тебя, и их всех, все эти десятилетия нашей жизни оскорбляли и унижали,

калеча Город, и саму суть нашей жизни, предписывая правила для постыдной жизни, причая к соглашательству.

И мы оказались способными учениками...

И позволили это с собою сделать, привыкли жить по этим правилам чуждой нам жизни, стали предавать и предали честь наших предков и их достоинство, завещанное нам от века. Мы, достойные горожане, мы, для которых Город был создан, именно мы виноваты – спрашивать можно только с тех, кто способен ответить. Спрашивать нужно с тебя и меня, – с нас!

...за небрежение, за молчание, за попустительство, за взвизгивающий смех над останками матери.

Разве ты не видишь в далекой и сплошной темноте факелы – это Эринии, Богини мщения, они мчатся под звуки кимвалов и бубен по улицам Города, они несутся к тебе, ко мне, к нам. В руках у них острые ножи и бичи. И от них никуда не уйти!

Но может быть и хуже, может так быть, что мы не достойны даже гнева, даже мщения:

*«... Здесь пред тобой те люди, чьи тела
Там, на земле, прошли свою дорогу,
Не сотворив ни подвигов, ни зла, –*

*Рай выгнал их, чтоб дивной белизны
Не запятнал их жалкий отпечаток;
но и чертям такие не нужны»*

*«В чем кара их? – спросил я. Что, стена,
так*

*Отчаянно мнутся по земле?»
И молвил он: «Ответ мой будет краток.*

*Им кары нет. Но жизнь их в этой мгле
Так низменно слепа, так нестерпима,
Что предпочли б кипеть они в смоле.*

*Среди людей их память не хранима,
Их Божий Суд презрительно забыл.
Что говорить о них? Взглянул и мимо».*

Владимир Жаботинский.
Из Данте. Нейтральные

Неужели это о нас!?

Нас ведь учили мама и папа, чего нельзя никогда делать, например, врать, например, совершать плохие поступки, и объясняли нам родители, какие поступки плохи. И среди множества назидательно плохих детских книжек, у нас была одна великолепная, и мы ее навсегда полюбили – история о деревянном мальчишке с верным и трепетным сердцем, о бессмертном навсегда Буратино. Как мы могли позабыть данный нам завет, его бессмертные слова, сказанные им в ответ на требование Мальвины пойти и почистить зубы, на что Буратино немедленно и достойно ответил:

«Сдохните, – не дождетесь!»

Как же мы позабыли эти великолепные слова, этот завет, данный нам нашим детством, сказать в нужный момент спокойным и тихим голосом, его никак не повышая, в ответ на все, чего они от нас хотели раньше и требуют сегодня:

«Сдохните, – не дождетесь!»